

ЮЛИАНА ГИНДУЛЛИНА

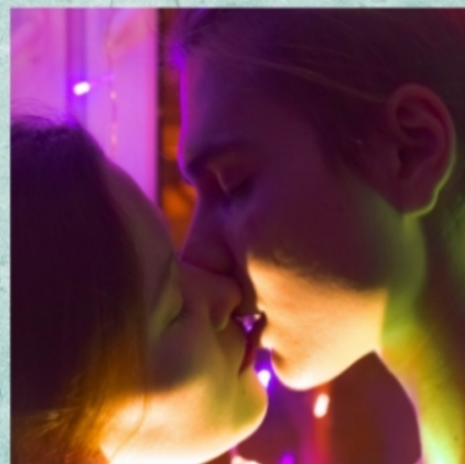
ГОРЬКО - СЛАДКИЙ

18+

МЕНЯ РАЗДРАЖАЮТ
ТВОИ ВЕСНУШКИ
ДО СИХ ПОР,
ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ?

ЗНАЙ ОДНО -
Я НЕ ЛЮБЛЮ
МУТОРНЫЕ
РАЗГОВОРЫ

ЛЮБОВЬ...
ТАКОЕ
ЭКЗОТИЧЕСКОЕ
ДЛЯ МЕНЯ
СЛОВО

Юлиана Гиндуллина
Горько-сладкий

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гиндуллина Ю. Р.

Горько-сладкий / Ю. Р. Гиндуллина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-95609-4

Мы ищем себя в течение всей жизни. И прекрасно, если у нас это получается. Но как это происходит? Эта история о взрослении молодого парня. О том, как влияют на нас люди, и как мы справляемся с трудностями юности. Все абсолютно просто, хлестко и современно.

ISBN 978-5-532-95609-4

© Гиндуллина Ю. Р., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Первый раз	5
Мама	8
Мира	13
Завяли помидоры	17
Он – волчонок	21
211	24
16 июля	30
Новая жизнь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлиана Гиндуллина

Горько-сладкий

Первый раз

В 5 лет Грим захотел поцеловать девчонку, которая «мыла посуду» в игрушечной кухне. Он часто видел, как делали это взрослые. Касались губ друг друга и закрывали глаза. Рыжеволосая Мира была на его взгляд самой красивой девочкой в садике. Большие голубые глаза казались ясным небом, кожа словно снег, а волосы такие длинные, что хотелось потеряться в них. Только одно его в Мире раздражало – веснушки.

Он бросил машинки в коробку и подошел к предмету своего восхищения. Резко дернул за рыжую косичку. Девочка невольно вскрикнула и звонко ударила мальчика по щеке.

– Эй, ты зачем меня бьешь? – обиделся Грим. Он дотронулся ладонью до опухшего места.

– Ты трогаешь меня за волосы! А мне больно. Конечно, у мальчиков они короткие.

– Твои волосы мешаются мне. А я хочу тебя поцеловать.

Мира недоуменно посмотрела на него из-под пушистых ресничек-паучков. Она явно не понимала, чего хотел от нее Грим. «Поцеловать?» Как это? Мира осторожно посмотрела по сторонам: вдруг их увидят воспитательницы? Чутье ей подсказывало: поцелуй в детском саду – дело точно запрещенное.

– А что такое целовать?

– Да шас покажу. Ты стой и не двигайся.

Грим подошел к ней вплотную, убрал рыжий волосок за ухо и сказал:

– А ты не можешь спрятать свои веснушки? Они мне не нравятся.

– Я пробовала их щипать, но они остаются на месте. Мама говорит, что веснушки красивые, но мне тоже не нравится, – сладко прошептала девочка.

Она, правда, старалась убрать «красные пятнышки», как она говорила, но ничего не получилось. Мира не была способна спрятать собственные частички, делающие ее особенно красивой. Тональный крем, вытщенный прямиком из косметички мамы или пудра, также проживающая в серебристой сумочке-домике косметики... ничего не помогало. Иногда она выглядела довольно смешно, закрашивая милое личико всевозможными средствами мамы. Почему-то только родители и родственники восхищались озорными веснушками, но девочка злилась, слыша комплименты в адрес «красных пятнышек».

Грим решил забыть о веснушках, прижался с силой своими губами к ее и закрыл глаза. На мгновение он решил взглянуть на Миру.

– Эй, – отвлекся от важного дела, – ты тоже должна закрыть глаза! Так неправильно.

– Ой, прости. Я совсем не знала! – Мира тут же закрыла их, но не понимала происходящего. Она тупо стояла и не сопротивлялась.

Грим продолжал давить губами и крепко держал ее голову. Он стал совсем как взрослый. Тоже умел целоваться. Интересно, похвалит ли его мама за такой подвиг? Рядом начинали собираться другие детишки и с интересом наблюдать. Воспитательницы на время отлучились на кухню, понятия не имея о проказах детей.

Вдруг Грим ощутил, как губы Миры случайно разомкнулись. Ему стало интересно, что будет, если он засунет ей в рот язык. Долго не думая, он решил воплотить мысль в реальность.

– Ай, – пискнула Мира и толкнула ухажера. – Что это? Я пробовала твои слюни! Зачем нужно? Фу!

– Потому что мы уже взрослые, дурашка. Так они и делают. Целуются. Я видел это в фильмах!

– А мне мама закрывает глаза, когда люди голые в кино. А я так хочу посмотреть, мне интересно. Ты так много знаешь. А когда мы поженимся? Мама говорит, что взрослые женятся. А мы уже целовались, – звонко и радостно щебетала размахивавшаяся девочка в розовых очках.

– Да хоть сейчас. Пошли жениться!

Гриму нравилось брать на себя роль жениха. Его это увлекало. Мира понравилась ему с первого взгляда. Правда, он не помнил, когда именно увидел ее. Будто она всегда была рядом. Грим решил собрать игрушки, зачем-то растолкать детей и достать из шкафа с наклейками животных венки из искусственных одуванчиков. Грим взял руку Миры и повел девочку под стол. Там уже были разбросаны многочисленные игрушки.

Другим детям он запретил смотреть на их свадьбу. Даже погрозил маленьким кулачком. Мальчик снова подумал, что мама бы им точно гордилась. Грим хотел всю жизнь провести с мамой, но она сказала: «Еще чего. Тебе надо найти невесту и точно не сидеть у меня на шее!» Наверное, сейчас он точно делал все правильно. Уже встал на путь истинный, к настоящей взрослой жизни.

– Тут так интересно! – восхищалась Мира.

– Да, мы с тобой теперь жених и невеста. – Грим одел ей на голову венок из одуванчиков. – Это вместо штуки на голову. Невесты всегда с какой-то белой тряпкой, а ты будешь с цветами. Игрушки, чтобы было мягко. Мы с тобой едем гулять!

– Ура! Я – невеста!

– Теперь мы должны сделать еще кое-что.

Мира раскрыла голубые глаза от удивления и смотрела на жениха. Девочке не терпелось. Грим начал стягивать с себя штанишки. Он остался в одних трусиках с изображением Спанч Боба.

– Ты тоже должна снять штаны, – повелел Грим. Его серые глаза смотрели на низ Миры.

– Хорошо-хорошо.

На новоиспеченной невесте были не штаны, а розовые колготки, просто Грим не знал, как их называть. Он увидел ее белые пухлые ножки и розовые трусики.

– Теперь вместе снимаем трусы. – Радовался Грим. Ему так хотелось показать свое еще маленькое достоинство и посмотреть так же у нее там или нет? В фильмах таких подробностей не показывали.

Жених и невеста начали свадебный ритуал, если можно так назвать. Грим начал разглядывать сокровенное место Миры и стал удивляться большому различию. Такого мальчик не ожидал. Он даже немного обиделся. Что за пустота у них?

– Все, можем снова одеваться.

– И все? А можно потрогать? Что у тебя там торчит? – Мира глядела на выпуклость во все глаза. – Почему у тебя есть эта вещь?

– Потому что я мальчик. А мы вас сильнее и лучше, поэтому у нас есть, а у девочек нет!

– Не правда, мы лучше вас и красивее. У нас всегда длинные волосы! – обиделась Мира.

– И что? Тогда почему у вас там пусто?

– Не знаю.

– Ну, вот и все. Трогать ничего не будешь.

Грим не стал ожидать дальнейших разговоров, споров, поэтому взял Миру за руку и вытащил в свет, то есть, к остальным. Он начал сомневаться в проведенном ритуале. Зачем ему проделывать такое? Гриму неловко перед невестой. Просто в определенный момент он снова представил картинки из фильмов, где люди почти голые валялись на кровати. Обычно он один смотрел телевизор, пока мама работала. Грим не хотел спрашивать у нее, что делают взрослые в таком виде. Он сам хотел испытать. Но ничего толкового не вышло. Зря он затеял все. Конечно,

здорово: он может хвастаться первым поцелуем, но ничего приятного не произошло. Увы... В фильмах все по-иному. И намного красивее.

Почему в фильмах люди радуются, когда остаются один на один, обнимаются, прикасаются губами? Им действительно приятно. Очень приятно. Видно по глазам, вздохам. И почему с Мирой ложные ощущения? Может, он не дорос до такого? Грим разочарованно думал об этом целый вечер, но не пришел к цельному ответу. Ему даже стало противно от одной мысли, что снова увидит ее в таком неподобающем виде.

Мама

– Грим, ты вел себя очень хорошо, поэтому заслуживаешь шоколадку, – сказала улыбающаяся Филадельфия.

Не то, чтобы она часто поощряла пятилетнего сына... Грим больше получал щелбаны и пендели, но в последнее время подозрительно умерил горячий пыл.

Мальчик делал только то, что могло обрадовать маму. По крайней мере, он так считал. Сын любил, когда грубая рука мамы касалась его кудрявых черных волос. Он понимал: Филадельфия уставала от работы в магазине. Утомительно все время стоять на ногах и обслуживать покупателей без возможности присесть.

Совсем недавно она открыла собственный магазин и проводила там дни напролет. Грим часто сидел на стульчике, наблюдая за покупателями. Стул будто прирос к нему и стал его составной частью. Филадельфия была существом три в одном. Она и владелец, и продавец, и уборщица. Маленький продуктовый магазинчик находился в не очень благоприятном районе, в основном от покупателей сразу несло перегаром, их кожа отливала желтоватым цветом, Грим удивлялся, видя перед собой действительно красивых людей в чистой одежде, от которых вкусно пахло. Поэтому его потянуло к Мире. Самой красивой девочке детского сада.

Сидя на стульчике, Грим всегда вздрагивал, когда дверь с шумом закрывалась после очередного посетителя. Мальчик не мог привыкнуть к резкости звука.

Вот и в этот раз он вздрогнул. Зашел мужчина лет пятидесяти в обтрепанной черной куртке. Он шатался из стороны в сторону и, кажется, не мог вспомнить, что ему нужно. Его маленькие черные глазки сверкнули, ведь он увидел за кассой Филадельфию. Ее блестящие черные, как ночь, волосы спускались до пояса, стройное тело прикрывало облегающее синее платье и фартук. Полные алые губы что-то произносили, но мужчина не слышал. Грим отложил шоколадку в сторону с целью защитить маму от «непонятного типа». Мальчик обратил внимание на то, какие грязные ногти у посетителя.

– Я спрашиваю, что бы вы хотели?

– А, так это, мне... – он потерялся в мыслях.

Какое-то время мужчина рассматривал холодильник с пивом, но резко опустил взгляд в пол и произнес:

– Молоко и хлеб.

– 48 рублей.

– А как вас зовут? – осмелился незнакомец.

– Филадельфия, – спокойно ответила женщина.

Гриму не нравилось, что мужчина так долго разговаривал с мамой. Тип явно не вызывал у него симпатии. Мальчик с презрением разглядел покупателя, почувствовал запах алкоголя и зажмурился, будто его дернули за уши. Недавно он пообещал матери, что никогда не будет пить и курить.

– У вас такое необычное имя. Не хотите помочь мне за деньги?

– А у тебя есть средства? – неожиданно съязвила Филадельфия. Ей не в первый раз предлагали деньги за интимные услуги.

– Да как у тебя язык поворачивается? Ты сама только продаешь тут, так почему бы тебе не заработать другим способом. Вон мальчонка есть. Как его содержать хочешь? Ходит весь в обносках. Это же твой сынишка, да? Выглядит миленьким. Только футболка изношенная.

Филадельфия бросила взгляд на сына и к своему разочарованию поняла, что покупатель был прав. Футболка с «тачками» действительно была помятой и даже в некоторых местах грязной.

Мужчина перешел на крик. Желательно было стоять подальше от него, иначе пришлось бы вдыхать неприятный запах из его рта. Грим слез со стула и направился в кладовую. В нем кипела злость. Маленькие кулачки сжались, сердце было готово превратиться в камень и выпрыгнуть из груди, врезавшись прямо в мужчину, раздробив ему череп. Грим хотел скорее стать взрослым, чтобы драться по-настоящему и защищать мать. Он вытащил из коробки биты, которую мама приобрела на барахолке «на всякий случай». Может случай уже настал? В серых глазках проснулся волчий холод. Для пяти лет Грим был слишком умен и равнодушен.

– Ты купил, что тебе нужно, так что давай, проваливай!

– Сейчас бы мне рот закрывать, шлюха!

Грим часто слышал это слово, направленное в адрес матери. Оно ассоциировалось у него с выстрелом из пистолета. Мужчины, да и женщины всегда будто выплевывали «шлюху» с нотками злости. Грим понимал: слово имеет плохое значение. Но почему его маму часто так называли?

– Выметайся, говорю, иначе вызову полицию.

– И что, они меня выпустят, я снова приду сюда. – Мужчина не переставал размахивать руками и случайно уронил стеклянную вазу.

– Ты мне сейчас заплатишь за это!

– Да что ты мне сделаешь? Раскудахталась, как курица? Испугала. Да я и не таких видал. Полвека прожил, считай. Чтобы меня еще женщина учила. Ваше место на кухне или... в постели.

Мужчина говорил громко, но в тоже время медленно и бессвязно. Его язык заплетался, это раздражало Филадельфию. Она порядком устала от таких клиентов. Обычно они уходили, как только Филя просила их, но мужчина попался настойчивый.

– Не кричи на мою маму! – как львенок, рыкнул, выходящий из кладовки Грим и показал биты в руке. Мужчина только усмехнулся и зачем-то показал язык.

Терпение Грима лопнуло, тяжелыми шагами он направился в сторону обидчика мамы и замахнулся битой. Губы сжались до предела, они уже образовали прямую линию. Холодные глаза смотрели прямо на обидчика. А ростом он был чуть выше табурета, на котором часто сидел в магазине.

Увы, мужчина поймал «опасное оружие» и швырнул легким движением мальчика в сторону. Филадельфия ахнула и закрыла лицо руками. Сын упал прямо на осколки разбитой вазы. Он не успел опомниться, как почувствовал неприятные покалывания от свежих ранок.

– Ха, ха! Я-то буду тебя сильнее, щенок! На кого вздумал руку поднимать? Молоко на губах еще не высохло.

– На вонючего идиота, который бьет детей! – Крикнула Филя.

Обидчик посмотрел в ее сторону, но ничего не увидел. За кассой стало пусто. Он повернулся к мальчику и тут же пожалел об этом. Филадельфия брызнула ему в глаза газовым баллончиком.

– Стерва! – взвизгнул мужчина. – Я прибью вас всех!

– Вали отсюда и не показывайся мне. Ты тронул моего мальчика, так что проваливай, иначе в следующий раз вырежу тебе глаза!

Филя ловким движением взяла у Грима биты и ударила обидчику между ног. Он взвыл от боли и упал на колени. Никогда бы мужчина не подумал, что можно пострадать так физически сильно от женщины. Слезы хотели показаться из его маленьких злых глаз, но он удержал их. Только гримаса боли ярко проявлялась на его лице.

– Я сказала, проваливай! – Филадельфия снова замахнулась и ударила ему по лицу баллончиком. Из носа хлынула кровь. Мужчина не стал спорить и решил покинуть магазин. По пути он специально опрокинул пару посудин с конфетами. Разноцветные карамельки оставили

почетные места на прилавке и теперь валялись на полу вместе с прибавившимся разбитым стеклом.

Когда дверь за ним захлопнулась, Грим вздрогнул снова, но не растерялся. Побежал к двери и хотел закрыть на засов. Однако не успел, так как мужчина снова ворвался в магазин уже с большим камнем в руках. На этот раз Грима просто поглотил убийственный шок. Он думал: сейчас им с мамой конец. Его волчья ярость на мгновение исчезла, в него вселился беспомощный слепой котенок, который знал, что его точно хотят утопить. Смелость порой бывает миражем.

– Грязная шлюха! Притворяешься недоступной. Это тебе за мои яйца! – Мужчина начал бомбить холодильник с пивом. – А это за нос! – Очередь перешла к газированным напиткам.

Разгромив все на своем пути, довольный собой, он бросил камень в телевизор рядом со стульчиком Грима и все-таки ушел из магазина.

На этот раз мальчик не решился подойти к двери. Страх целиком задушил его. Грим свернулся в клубочек и хотел бы еще один создать силой мысли, но ничего не получалось. Он не волшебник. Его коленки тряслись, маленькие пальчики онемели от холода.

Первой в себя пришла Филадельфия. Можно было вечность просидеть с каменным лицом, но жизнь шла, никто не мог остановить время для передышки. Нужно что-то делать. Сбивать с себя каменные остатки страха и шока, лепить из глины новое ощущение – ощущение приятия ситуации. А потом, если повезет, открыть двери для самого лучшего качества – смелости. Филадельфия поняла: надо брать ситуацию в свои руки.

– Мальчик мой, ты цел? – Филя обняла его и начала гладить по спине. Голос был взволнованный. – Вот такие у нас мужики. Но ты, когда вырастешь, будешь другим, верно? Никогда не поднимешь руку на женщину, никогда ее не обидишь. Будешь смелым и сильным. Защитником! Но зря ты полез сейчас на него. Показал, кто в доме хозяин. Но ты еще маленький. Тебе нужно играть с друзьями, а не сидеть со мной и разбираться с плохими парнями. Ты мой волчонок, знай. Такой же дикий. – Она всеми силами держала дрожь внутри себя, боялась показать ее сыну. Мама всегда была сильнее и смелее своего ребенка, а он должен был верить в ее непоколебимость.

Филадельфия старалась изобразить улыбку, но усилия не привели к должному результату. Дрожь в голосе не сдерживалась и отражалась эхом по всему магазину. Показалось, даже стены пошатнулись.

– Ты же тогда будешь одна. Я играю в садике. Уже женился. На Мире. Я почти взрослый. И я все равно не спас тебя. – Грим успел отвлечься от своего недавнего страха, благодаря стараниям матери.

– Ты ничего не должен, тем более спасать, малыш. Жизнь тебя просто сожрет, понимаешь? Как злодей из сказки. – К Филе вернулся привычный спокойный голос. Она решила перевести тему. – А в женитьбе ты преуспел. Можешь взять шоколадку для своей невесты. – Филя немного успокоилась.

Она обрадовалась, что Грим все еще маленький. Только не нужно втягивать его в серьезные дела, он итак взрослый для своих лет. Ему необходимо стать маленьким. Сейчас было самое беззаботное время. А вот для Филы настал не очень светлый период. Она резко оглядела весь магазин. На полу валялись одни осколки и текли реки шипящих напитков. А в центре этого болота ее маленький мальчик, который успел поранить коленки и руки.

Филадельфия кинулась к нему, прижала к груди голову сына. Подняла на руки, отнесла в туалет. Она посадила его на крышку унитаза и начала искать в шкафах бинты и вату.

Грим стал счастливее, ведь мама ласкала его. Нежность равносильна редкости. Филя промыла ранки, забинтовала его ладонь. Сейчас она считала себя никчемной матерью. Внезапно она начала замечать маленькие детали вокруг: грязное зеркало, раковина в жирных пятнах,

бутылка из-под водки в мусорке. Все затерялось в ворохе хлама, как и странные попытки стать нормальной матерью.

Но у Грима вертелись другие мысли. Он посмотрел на маму и увидел совершенство. Мальчик считал ее самой красивой, а потом только Миру.

После обработки ран, мама и сын долго убрались в магазине. Грима стошнило от запаха алкоголя, когда он решил помочь маме с мытьем полов. Тогда Филадельфия поручила ему протирать полки.

Они вернулись домой примерно в 2 часа ночи. Любой пятилетний ребенок спал бы в кровати, но Грим всегда считал себя взрослым. Даже гордился этим. Конечно, ему жутко хотелось спать, но маме он ничего не сказал.

– Давай посмотрим телевизор? – спросила она невзначай.

– Я хочу смотреть Бэтмена. – Совсем забыл про сон Грим.

– Да, конечно, что хочешь. Я так устала. Просто хочу посидеть на диване рядом с тобой. Представляешь, у меня порвались колготки! – Обрадовалась Филадельфия и показала сыну большой палец, торчащий из дырки черных колготок.

– Мам, ты такая смешная. Давай я принесу тебе штанишки. Как ты вообще носишь эти штуки? Они неудобные.

Грим ущипнул маму за ногу, от чего она охнула.

– Они даже не защищают тебя!

– Да, Грим, это для тепла. К тому же, у меня есть защитник – это ты. У тебя такие пальцы сильные. Прямо больно ущипнул.

– А у Миры были сегодня розовые штуки.

– Ты имеешь ввиду колготки розовые? Да, они бывают разных цветов. Надеюсь, ты видел только колготки, – вздохнула Филадельфия. Она поймала виноватый взгляд Грима. – Или ты мне не договариваешь, волчонок?

– Я еще поцеловал ее, как взрослый.

– Эх, ты, Грим, так нельзя делать! Балда, – рассмеялась Филадельфия. Она легла на диван и продолжила смеяться, задрвав кверху ноги. Палец, торчащий из дырки колготок, еще больше заставил ее улыбаться. Грим последовал примеру матери и лег рядом с ней.

– Зато тебе весело.

– Тебя надо наказать.

Она начала щекотать мальчика и ерошить ему волосы. Филадельфия так любила черные кудри Грима, но старалась больно не проявлять ласки, чтоб воспитать настоящего мужчину, а не нюню. Иногда женщина замирала и долго смотрела на сына. На то, как он двигался, что говорил. Ей казалось, иногда она перебарщивала с холодом и строгостью. В такие моменты в ней просыпался другой человек, и она кардинально менялась. Филадельфия чувствовала, как каталась на американских горках в самом страшном парке аттракционов. У низа горок – беспредельная нежность, взрывающееся веселье или бесконечные поцелуи, на пике – строгий голос, постоянные замечания, упреки, часто крик, ремень. Филадельфия не могла определиться, какую точку ей выбрать.

Именно сейчас вагончик спустился вниз, в тихое место, в обитель ласки и добра. Здесь нет потрясений. Определенно, Филадельфия нравилась эта станция больше всего. Она знала, что находится на своем, самом важном месте. Женщина не хотела смотреть на руку Грима, покрытую маленькими синяками. Ведь это она сильно держала его, впиваясь сильными пальцами в нежную кожу мальчика, когда увидела, что он кидал камнями в бездомного кота. Малейший пустяк – она уже срывалась на него, рычала сквозь зубы. На его плач Филадельфия не реагировала и будто в диком трансе заставляла его плакать.

Она пользовалась ремнем всего два раза. В первый – Грим плакал весь день напролет, не собираясь объяснять причину. Словно его заколдовали, и он заставлял себя выпускать злое-

щие соленые струи из глаз. Грим так и не поделился горем с мамой, но зато получил шлепок по пятой точке и через мгновение перестал рыдать.

Во второй раз причина была ясна, как день. Грим разрисовал красками одежду подруги матери. Безжалостно. При этом он не хотел извиняться за проступок, Грим молчал, а затем показал подруге язык и убежал. Филадельфия не могла справиться с гневом. Казалось бы, пустяки, но такие раздражительные. Ей чудилось, еще чуть-чуть и она упустит его, потеряет. Она хотела держать ситуацию под контролем, ведь так редко могла уделить внимание сыну. Грим должен бояться матери. В этом ее авторитет. «А что будет, если он попробует наркотики? До этого просто не должно дойти, если он будет в ежовых рукавицах, будет бояться обидеть или разочаровать меня» – так считала Филадельфия. После каждой взбучки Грим шелково разговаривал с мамой, будто вся обида начисто стиралась из памяти. Может, это фишка у маленьких детей? Сразу забывать горечи.

Филадельфия надела домашнее трико, которое принес Грим, а колготки выкинула в мусорный ящик, хоть сын и хотел смотреть на ее забавный «палец из дырки», и ему жалко «штанишки».

Грим просил ее сесть на пол и облокотиться спиной о диван. Мальчик любил играть с густыми волосами матери и даже пытался заплести косу. Он видел такие прически у девочек из садика, особенно у Миры. Мира... Она ведь его жена. Завтра он подарит ей вкуснейшие шоколадки и может, дернет за косичку.

На улице окончательно стемнело. Только свет от телевизора освещал комнату. Стиральная машинка в ванной продолжала мерно шуметь. Звук аппарата нравился Гриму. Он успокаивал, гипнотизировал, создавал иллюзию уюта. Мальчик продолжает расчесывать густые волосы матери, пытаясь вникнуть в суть фильма по телевизору. Столько непонятных слов. «Непревзойденный», «Бижутерия», «Комфортабельность». Как это произнести?

– Грим, мальчик мой, давай я лягу спать. Ты уже наигрался моими волосами. Пора спать, малыш.

Грим быстро спрыгнул с дивана, освободив маме место. Филадельфия легла и моментально заснула. Работа выматывала морально и физически. Приходилось делать абсолютно все. Почему так сложно? Отец Грима бросил их сразу, как узнал о беременности. Все просили делать ее аборт, но она хотела иметь что-то свое в таком чужом мире. Больше отец Грима никогда не появлялся в их жизни и не появится. Мальчик знал одно о нем: в отца у него вьющиеся волосы.

С такими мыслями Филадельфия погрузилась в сон. Боль в ногах уже испарилась. Грим укрыл мать одеялом, выключил телевизор и пошел в ванную вытаскивать белье из стиральной машины. Не так уж сложно это сделать. Он решил начать взрослеть, чтобы помочь маме. Ведь не зря поцеловался и женился. Уже какой-то статус. Шаг в новый взрослый мир. Мама должна была гордиться.

После дел, связанных со стиральной машинкой, он лег на пол и взял свисающую с дивана руку мамы. Кровать казалась ему слишком жаркой для хорошего сна. Мальчик любил прохладу, не мог терпеть малейшее проявление жары.

Мира

Еще Гриму не нравилось вставать по утрам. Он был готов расплакаться, но боялся показаться неженкой. Грим хотел вместо садика оставаться в теплой мягкой постельке, а потом идти к маме в магазин и защитить ее от плохих дядь. Он практически не соображал, вставая так рано. Глаза застилала пелена ресниц, не способная взлететь вверх и окончательно прояснить взор. Роботизированными движениями мальчик водил зубной щеткой с клубничной пастой из стороны в сторону, пытаясь почистить зубы. Филадельфия тоже любила детскую пасту. Они пользовались ею вместе.

После умывания было не так обидно двигаться дальше. Все козявки из глаз убрались, изо рта пахло йогуртом со вкусом клубники. На столе его ждала чашка теплого чая с печеньем. Филадельфия не ела по утрам, она тратила больше времени на сон.

Сегодня Грим проснулся не с таким кислым лицом, как обычно. Филадельфия даже удивилась перемене. Мысль о «жене» грела душу, утепляя все тело. Грим спрятал две шоколадки в карманы джинсов и приготовился выйти на улицу. Филадельфия не могла обойтись без макияжа, поэтому торопливо красила реснички.

– Господи, размазалось! – расстроилась Филадельфия. – Грим, принеси скорее салфетки. Они в зале.

Ему пришлось снять уличную обувь и выполнить поручение мамы. Упаси боже пройти по полу в обуви и получить очередной нагоняй от нее.

– Какой молодец! Теперь топай на улицу и жди меня там.

– Я подожду здесь.

Гриму не хотелось стоять одному. Это скучно и немного страшно. Он начал рассматривать платье мамы. Ярко-желтое и короткое. Ее стройные ножки украшали босоножки на горке телесного цвета. Грим подумал, мама такая красивая. Зачем ей возиться около зеркала, если она итак прекрасна. Наверное, нужно. Он с любопытством разглядывал, как мама красит ресницы и делает стрелки. Почему Мира так не беспокоилась об этом? Надо ее спросить.

Все же им удалось благополучно добраться до садика. Мама никогда не обнимала и уж тем более не целовала его на прощание, просто махала рукой и убегала на работу. Она не забывала пригрозить ему пальцем за непослушное поведение.

Первым делом Грим начинал искать глазами Миру. Его сердце затрепетало, как только он увидел копну рыжих волос. Мальчик подошел к этому огоньку и пошарил руками в карманах. Девочка казалась ему кукольным ангелочком.

– Привет! – вскрикнула Мира и подбежала к нему с объятьями. Сегодня ее волосы были завязаны в высокий хвост. На голове красовался большой голубой бант, а сарафан приятного небесного цвета с надписью «sweet baby». Да, родители хотели сделать из нее идеал. Явно какой-то бренд, но детям обычно нет до этого дела. Они одевались по вкусу родителей.

– Привет, смотри, что у меня есть.

Грим вручил две шоколадки «невесте» и улыбнулся. Он горд собой. Пусть все видят его подарки.

– Ой, спасибо.

Мира еще раз обняла Грима и поскакала к подружкам. Почему она не осталась с ним? Грим побежал за ней и стал ходить по пятам. Они не расставались ни на минуту. Правда, тот поцелуй больше не повторялся. Слишком странным и слюнявым получился.

Грим старался вести себя хорошо, чтобы получать шоколадки от мамы и дарить Мире. Они часто играли в догонялки. Грим гонялся только за «невестой», больше ни за кем. Но веснушки все еще вызывали неприятие.

Однажды, на улице, он поймал божью коровку и спрятал в ладонях.

– Мира! – При виде нее Грим всегда светился. – Смотри, что принес. Теперь это твое.

Мальчик раскрыл ладони и показал красную в черную крапинку коровку. Мира так и ахнула.

– Как красиво!

– Да, ты тоже красивая. – Грим заметил, как Мира лучезарно улыбнулась, и внутри у него ответом все взорвалось разноцветными хлопучками. Разве можно так красиво выглядеть, когда улыбаешься? Например, другая девочка, Кира, страшная, когда открывает рот и показывает кривые зубки.

– Но куда я положу ее?

– Мы же только вчера делали маленькие коробки. Возьми одну и засунь туда.

Грим всегда отличался сообразительностью. Как-то раз он спрятал кота в кладовой магазина, но мама заметила нового жильца только тогда, когда зверюга начал делать свои вынужденные дела. Едким запахом пропитался весь магазин. Филадельфия отчитала Грима, и он безудержно плакал весь день. Непонятно почему: то ли из-за потери кота, то ли из-за ругани матери. А кот был очень большой и пушистый, настоящий рысёнок. Легкие кисточки высывались на ушках, а пузо было покрыто темными пятнышками. Филадельфие не было дела до питомца. Она хотела чистоты в магазине, а не нового жильца. Ей хватало Грима.

– Да, так и сделаю. Мне нравится. А маме еще больше понравится.

Но ее маме это не понравилось. Хотя Мира восторгалась новой подружкой.

Она назвала божью коровку Лолой. Мира проговорила с ней весь вечер, рассказала о секретах, о поцелуе с Гримом, о том, что она уже, оказывается, не просто маленькая девочка, а настоящая жена! Мира заливалась смехом, играя с подругой. Конечно, до следующего утра Лола не дожила. Она задохнулась в коробочке. Мира все равно принесла ее в садик. Девочка верила, что коровка всего лишь заснула крепким сном, но Грим сказал прямо – Лола умерла. Возможно, мальчик ответил наугад, ведь сам ни разу не сталкивался со смертью.

Не сказать, что Мира заливалась горячими слезами. Нет. Она не могла до конца понять, что такое смерть. Был человек – пропал человек. Не говоря уже о смерти насекомого.

Ребята выкопали в песочнице ямку игрушечными лопатами. Воспитательница Ирма объяснила, что делают с умершими людьми... в данном случае божьей коровкой. Она сама контролировала процесс похорон. Детей собралось много. Каждому не терпелось внести частичку себя в происходящее таинственное мероприятие.

Мира потеряла лучшую подругу, правда, провела с ней не больше двух дней, но за это время девочка успела рассказать ей самые важные события ее короткой жизни. Она положила коробку с Лолой в ямку и зарыла песком. Грим убрал ее руки и продолжил закапывать лопаткой сам. Подружки Миры принесли ромашки, сорванные рядом с калиткой в детский сад. Они водрузили цветы на горку песка. Пусть все знают, что здесь покоится с миром Лола.

Придя домой, Грим спросил у мамы:

– Что такое умирать?

– Ну... как бы сказать... – Филадельфия не ожидала такого вопроса.

– Просто вот сегодня умерла одна божья коровка. Но я так и не пойму, что с ней будет дальше. И почему мы ее закопали.

– Грим, волчонок. Все умирают. И я, и ты, и наши соседи. Рано или поздно, но в основном, когда стареют. Мы не можем сами двигаться, нам всем трудно и мы не справляемся. Мы, как совсем маленькие дети. И в этот момент мы понимаем, что пора... уходить.

– Куда уходить? – Грим широко раскрыл любопытные серые глаза. В них горел чистый интерес.

Смерть, умирать... странно.

– Я не знаю. Никто не знает. Говорят, что в рай. Но кто-то может и в ад. Если плохо будет себя вести.

– Что такое рай и ад?

– Не ад, а рай. Рай – хорошее место. Для послушных детишек и взрослых, ад – плохое, где всем очень больно. Но я точно не знаю, что нас ждет после смерти. – Филадельфия подбирала слова изо всех сил. Будто она дрожала перед экзаменаторами и старалась ответить на очень сложный билет. Объяснять ребенку сложные вещи подобно карабканию по крутой горе.

– А куда попадет божья коровка?

– Грим, я не знаю, сказала же.

– Я увижу ее снова?

– Сейчас нет. Но потом, когда-нибудь, возможно и увидишь.

На этом объяснения кончились, слова затихли. Филадельфия погладила голову Грима, поцеловала в макушку, но дальше продолжать разговор про смерть не хотела. Рановато для таких знаний. Женщина пощупала мягкие щеки сына, ей нужно было убедиться, что перед ней ребенок, а не взрослый.

Ирма старалась подбодрить Миру. Воспитательница осторожно говорила, что нужно жить дальше. В пять лет многое казалось таким серьезным. Но буквально через несколько дней Мира окончательно забыла о бывшей лучшей подружке. Она продолжила резво бегать, драться с Гримом, зарабатывая царапинки и синяки на коленках. Девочка прыгала на «мужа» и валила на пол, хохотала, как бешеная. Остальные дети звонко кричали: «Тили-тили тесто жених и невеста, на полу валялись, крепко целовались!» Их обоих всегда наказывали и ставили в угол. Но даже там, смотря друг на друга из разных углов, они показывали языки и строили рожицы.

Вскоре у них появился тайный язык. Точнее переписка. Начал традицию Грим. Он вырвал тетрадный лист и нацарапал ручкой кривую рожицу. Незаметно для всех, Грим подбежал к Мире, брал за руку и оставлял на ладони скомканный рисунок. У Миры карикатуры получались намного красивее и аккуратнее. Гриму иногда было неловко получать в ответ на свои гримасы четкие изображения. Однажды она нарисовала обезьянку в джинсах и рубашке с галстуком. И получилось очень круто. Все тайные рисунки-карикатуры Грим сохранял в коробку из-под туфель мамы.

Мира зазывала его под стол, чтобы подарить очередной скомканный рисунок. Это казалось удивительным ритуалом, священной церемонией. И главное: никто не должен был знать! Самое главное! Они оба передавали записки с таинственной улыбкой на лице, а потом весело выбегали из укрытия, гоняясь друг за другом. Мира заметно изменилась, дружа с Гримом. Они стали самыми шумными в садике. Благодаря им разбилось две вазы, оставив подаренные воспитателям цветы без пристанища. Грим дергал ее за волосы, а она в ответ больно щипала. Стены буквально пестрились чудными рисунками детей. Не было и дня без наказания в углу.

Однажды парочка запланировала побег из сада. Грим сделал маршрут до своего дома. На вечерней прогулке «муж и жена» прятались за деревьями и перебежали от одного к другому, пытаясь быть незамеченными. Уже выйдя за пределы сада, дети почувствовали себя абсолютно свободными и крутыми. Вот, что делает граница дозволенного. Дети, держась за руки, направились дальше от ворот сада. Чувствуя себя безумно счастливыми и азартными, они побрели. Но сделали ровно одиннадцать шагов. Ирма выбежала следом за ними, запутавшись в длинной белой юбке, и привела обратно. Ее щеки горели румянцем, сразу видно: не привыкла бегать по утрам или вечерам, раз такой кросс заставил ее неимоверно часто дышать и сгибаться в две погребели. Сказать по правде, трудно представить ее в обтягивающих цветных лосинах или спортивном топике. Она будто вышла из старой сказки, привнеся в реальность отголосок прозрачного прошлого.

По природе Ирма не была строгой. Ласковый голос, забота, внимание – так можно охарактеризовать хрупкую молодую воспитательницу, иногда надевающую очки в круглой оправе, читавшей книжку. Молча о проказах непослушной парочки, на этот раз держать язык за зубами она не могла. Ей пришлось рассказать все их родителям. Точнее маме Миры, ведь Филадельфия всегда занята. Всегда. Трубки брать – дело точно не для нее. Она выключала звук и погружалась в деятельность.

Наверное, на этом и закончилась история дружбы Грима и Миры.

Завяли помидоры

Мама устроила целую беседу с Мирой. Полностью объяснила ситуацию. Ей не нравилась не только божья коровка, но и сам Грим. Она считала его сыном шлюхи. Нарциссия следовала модным слухам, хотя Филадельфия никогда не спала с другими мужчинами, кроме своего мужа. Просто многие приставали к красивой продавщице, оставались допоздна в магазине в надежде заполучить тело чудесной женщины. Так и рождались слухи. Может, мама Миры завидовала Филе, ведь Нарциссии редко делали даже комплименты, а у мужа имелась любовница. Это жена знала наверняка. Александр слишком часто задерживался допоздна на работе, слишком часто уезжал в командировки и слишком часто не занимался любовью с женой. Вранье. Он давно не занимался с ней этим.

Нарциссии было неприятно осознавать такое, но быть одной – еще неприятнее. Казалось, если муж уйдет – она пропадет. Главное делать вид, что все прекрасно. Ведь так делают все. Лицемерят. Она называла это силой. Улыбаться сквозь обиду и слезы, притворяться незнающей довольной женой, но себя никак не обманешь. Может, сила в другом? В возможности признаться самой себе и открыть уже глаза на голую правду. Принять реальность, а не создавать иллюзию приторно сладкой жизни.

Она буквально пилила Миру, заставляла быть идеальной. Хотела блестящего будущего для нее и никаких никчемных связей. Сын Филадельфии как раз относился к ненужным отношениям. Неужели в пять лет дети должны четко знать, с кем можно дружить, а с кем нельзя? Мира не могла противиться маме, поэтому слушала ее во все уши, даже не пытаясь понять информацию. Нарциссия пообещала Мире новую барби, если она перестанет разговаривать с Гримом. Девочка слишком легко согласилась.

На следующий день в садике Мира не подбежала с объятьями к Гриму. Он даже удивился и немного расстроился. Сегодня он принес киндер. Всю неделю выпрашивал у мамы, подметал в магазине, расчесывал каждый вечер волосы, помогал смывать ей макияж и даже массажировал плечи.

Мира взяла шоколадное яйцо и убежала к девочкам. Грим уже привык за ней бегать, поэтому поспешил и на этот раз. Но девочка, словно не видела Грима, точно избегала.

– Мира!

– Что? – холодно отозвалась она. У Грима внутри все заледенело. Сердце где-то затерялось. Он стоял в ступоре от грубого «что?».

– Ты убегаешь от меня. Мы разве играем в догонялки? – не понимал Грим и старался быть дружелюбным.

– Нет. Ты мне больше не муж.

Мира легко сказала. Да еще и игриво тряхнула волосами. Грим не мог понять ее перемену. Что не так? Сегодня она в белом сарафане с крупными красными ягодами, а в руках постоянная спутница – розоволосая барби. Незаметно для себя Грим вдруг ощутил неприязнь к новой игрушке. Слишком много розового.

– Но мы же поженились. Нам нельзя говорить такие плохие слова.

– Мы не большие. Все понарошку.

Для Грима по-настоящему. Он зря таскал ей шоколадки? Ловил божью коровку? Как понимать такое отношение? Грим никогда не делал что-то «понарошку».

– Почему ты так говоришь?

– Мама сказала, ты другой. Ты слишком бедный, а мне нужен принц. Еще она сказала, что божья коровка не золото. Ей не место у нас в домике. А еще у меня вот барби. Ее я хотела сильно-сильно.

– Так это мама тебе сказала, – огорчился Грим. Тупая обида прокралась в его маленькое сердечко и на некоторое время поселилась там. Какое золото? Разве маленькие дети дарят такое?

– Да. Почему ты был моим женихом? Не знаю даже. Ты меня заставил. Теперь отстань. Но можешь приносить мне шоколадки. Мне золото пока не очень нужно. Даже не знаю, что это такое. Зато я запомнила слово новое.

Грим удивленно взглянул на нее. Где та прежняя хулиганка и озорная девчонка с рыжей копной густых волос? Шевелюра, конечно, на месте, но где остальное? Не внешнее. Даже волосы сегодня казались слишком прилизанными, Гриму не хотелось в них теряться. Он жаждал бежать от странной новизны подружки. Мира даже не удосужилась взглянуть на него, не могла отвезти восхищенного взгляда от модной куклы.

Весь день девочка весело играла с подружками, а Грим понуро ходил из одного угла с игрушками в другой. Ему не за кем бегать, с друзьями даже не разговаривал.

Он засунул руки в карманы и уныло наблюдал за резвящейся Мирой. На момент она показалась ему противной. Его начал раздражать ее залиvistый смех. Грим хотел дергать ее за рыжие волосы, а потом и вообще отстричь их. Он был не прочь зажать ее в углу и выдавить все дурацкие веснушки, как прыщики. Грим точно знал, что от них можно избавиться. Он начал считать ее обманщицей, которая врала по поводу веснушек, а очередной рисунок выкинул в урну и пнул ее от злости. Мусор высыпался, и Грима заставили убирать за собой.

Потом мальчик понял, что скучает.

Под вечер приходили родители. Филадельфия забирала Грима самой последней. Мальчик сидел на подоконнике и наблюдал за рыжими волосами Миры. Куда ей столько волос? Родители всегда брали ее за ручку, иногда папа поднимал. Они выглядят счастливыми. Каково это – иметь папу? Вроде очень здорово. Все такие рыжие и одинаковые. А у Грима только мама.

Грим недоуменно проматывал все ситуации с Мирой у себя в голове. Все было так хорошо. За окном непонятная погода. Казалось, шел дождь, а, может, и нет, но точно что-то капало. Совсем недавно прошелся ливень, оставив после себя живительную влагу. Солнце трусливо пряталось за облака, не могло решиться выглянуть.

Зато он видел, как Филадельфия торопливо перескакивала через лужи и направлялась к двери садика. Внезапно ее остановила мама Миры. Зачем? Грим думал, что они давно уехали. Мальчик заметил, как Нарциссия разводила руками, слишком много говорила, а мама только стояла, как камень, но глаза не опускала. Гриму не понравилось. Он молнией выбежал на улицу без верхней одежды, поймав все лужи на пути. Мальчик остановился, как вкопанный, когда Филадельфия уничтожила его грозным взглядом. Казалось, была не его мама, а кто-то чужой. В этот момент дождь решил сыграть злую шутку и начал безбожно капать, предупреждая о скором граде. Белые пульки посыпали с неба, Грим ощутил покалывания кожи, но ему все равно. Ведь любимые глаза матери были сейчас хуже любой природной катастрофы.

– Вот ваш пацан? – Небрежно спросила Нарциссия.

– Да, – будто и не произнесла Филадельфия.

– Не хочу вообще видеть его в нашем садике. Говорю вам по-хорошему. Мы это легко устроим, но предлагаю вам самим отказаться.

– Это ближайший садик. – Все еще леденила взглядом своего сына Фила.

– Мне плевать на ваши удобства. Я все сказала. Либо садик, либо ваш уже прогнивающий магазин. – Нарциссия сорвалась на крик. Она так тихо начинала разговор, а в конце будто открыла душу для бешеной громкой ведьмы.

Филадельфия вспомнила, как совсем недавно у них было происшествие, которое все еще давало о себе знать. Она и так должна соседям двадцать тысяч. От криков Нарциссии Филе становилось еще хуже. Ее вдвойне оглушили накопившиеся неприятные новости.

Грим начал приходить в себя и прислушиваться к разговору. Почему она так груба с мамой?

– Мама? – Осмелился мальчик.

– Заткнись.

У Грима навернулись слезы на глазах. Обычно мама его ругала только дома, когда никто не видел и не слышал их. Стало обидно: она при всех сказала колючее «заткнись». Мальчик решил подойти ближе, но природа любила подшутить над неуклюжими детишками, поэтому Грим благополучно шлепнулся прямо в лужу. Он даже не успел завязать шнурки, когда торопился к маме. Его джинсы мгновенно перестали защищать его худые ноги от неприятного ветерка. Грим пока ощущал лишь хлипкость, холодок не застал его врасплох. Он почувствовал, как его еще не заросшие ранки начинает щипать.

– Грим! Иди обратно! – Всполошилась Филя.

– Ну, так вы понимаете весь ужас ситуации? – Перебила Нарциссия. Ее рыжие волосы скрылись под капюшоном шубы, выглядывали только огненные локоны, словно золотые змейки горгульи. А ей шла завивка. Женщина почему-то снова понизила интонацию. Но глаза бушевали безумной волной. Нарциссия постоянно смотрела в сторону мужа, боялась заметить что-то или кого-то рядом с ним. Выглядело очень странно.

– Да, я что-нибудь с этим сделаю. Я абсолютно все поняла.

В другой ситуации Филадельфия не позволила бы разговаривать с ней в подобном тоне, но на руках не было вообще никаких козырей.

Грима мгновенно пронзил противный холодок. Мальчик вздрогнул. Но еще сильнее он вздрогнул, когда мама быстрыми и «злыми» шагами направилась прямо к нему. Он видел, как из-под ее шагов по воздуху взметаются смешанные капли дождя и грязи. Грим хотел убежать, пока не поздно, ведь он отчетливо понимал, что последует после шагов. Он попытался рвануть с места, но Филадельфия резко схватила его за ухо и поволокла в здание садика.

Мальчик еле сдерживал крик боли, старался зацепиться за руку мамы, но безрезультатно. Его маленькое ушко уже хотело отцепиться от головы и начать самостоятельную жизнь. Увы, такой возможности не существовало на данный момент.

– Мама!

– Что? Ты снова натворил гадость!

– Я ничего не делал! – Грим начал вспоминать, чем же он мог расстроить маму. Вроде все стабильно. Она его не лупила, даже когда он дрался с мальчиками из другой группы.

– Ты зачем к девочке пристал? А! Ты что... что совсем? Руки чешутся? Тебе пискку отрезать?

Услышав последние слова, Грим просто подавился слюной. Настолько необычно было услышать новое страшное наказание, не похожее на остальные.

– Не надо! – Взмолился Грим. – Я больше так не буду! Мне просто интересно было. – Мальчик уже почувствовал, как теплый воздух укутал его взмокшее тело. Они с мамой оказались в комнате с разбросанными игрушками.

Филя споткнулась о красную машинку и сразу же пнула ее в сторону, якобы отомстив невинной игрушке.

– Моя машинка! – Взвизгнул Грим. В его серых глазках блестело отчаяние. Именно блестело, потому что это оказался яркий редкий проблеск. Не часто можно увидеть отчаянного Грима.

– Не отвлекайся!

– Мам!

– Что мам? Что мамкаешь-то? Раньше думать надо было!

Филадельфия посмотрела на воспитательницу, которая приоткрыла дверь, чтоб наблюдать за сценой. Ирма даже убрала «Чувство и чувствительность» на полку, а поверх положила очки.

– Ирма, я занимаюсь воспитательным процессом. – Заметила зеваку Филадельфия. – Расскажите мне подробнее о случае с моим сыном и Мирой. Сейчас их родители буквально угрожали мне расправой с моим магазином. Ну, есть другой вариант, он, конечно же, намного проще. Мы просто перейдем в другой садик. Не знаю, как я буду водить его туда, за несколько остановок от дома...

Ирма вошла в комнату и сочувствующе посмотрела на Филадельфию. Мама Грима раскраснелась, постоянно разводила руками. Она не успевала договорить одно, как мысль вырвалась в ее сознание со скоростью света. Слишком много впечатлений, слова не успевали реализовываться в звуки. Сплошная каша.

– Филадельфия, успокойтесь, присядьте. – Ирма быстрыми шагами направилась в столовую и принесла стакан воды.

– Да как успокоиться? – Филадельфия отпила немного и резко вылила оставшуюся воду в горшок с бегониями. – Ты зачем к девочке лез? Я не пойму! Сейчас мы из-за тебя должны переходить в другой сад! – Она практически не смотрела на него. Отчаяние било, не щадя силы.

– В таком возрасте им все интересно. Вы не воспринимайте это так серьезно, – робко вмешалась Ирма. Она старалась подобрать нужные слова, при этом ставя себя на место Филадельфии.

– Да как мне не волноваться? В моем возрасте таких приколов не было. У меня прям злости не хватает. Вот че тебе надо, бессовестный? Куда полез-то?

– Прости, мам. Я больше так не буду. – Грим не любил, когда мама ругала его при посторонних. Еще штанишки мокрые и грязные. Он никак не мог согреться. Понимал, что выглядел не очень красиво. Грим заметил на себе добрый взгляд Ирмы.

– Филадельфия, давайте хотя бы поменяем ему одежду, – предложила воспитательница. Что-то дельное. Она отряхнула длинную темную юбку от крошек хлеба. Совсем недавно Ирма кормила воробьев, пока детей разбирали родители.

– Видеть его не хочу.

Брошенное в пространство предложение слишком резко вырвалось, не дав шанса прийти в себя не только Гриму, но и самой Филе. Она кинула это в сердцах, но брать назад слова не собиралась. Даже Ирма вздрогнула, всей душой пожалев мальчика.

Филадельфия ушла из сада, оставив Грима с воспитательницей. Мальчик стоял ошарашенный, охлажденный полностью. Мама его бросила? И тут он не сдержался и начал плакать. Навзрыд. Ирма расчувствовалась и прижала его к себе. Воспитательнице двадцать лет. Она совсем недавно в садике, но успела полюбить всех детишек. Скромность делала ее послушной подчиненной, которая не боялась любой работы.

Ирма подняла Грима на руки и начала укачивать. Мальчику стало непривычно, он попросил его отпустить.

– Мама меня бросила? – Всхлипывал Грим.

– Нет, конечно, нет, – ласково произнесла Ирма. Ее серо-голубые глаза проникновенно смотрели в мокрые глазки Грима. Казалось, она гипнотизировала его, постепенно успокаивая. – Я сейчас отведу тебя домой, не плачь, пожалуйста.

Ирма потрепала кудри Грима и поцеловала в щеку. Мальчик, отдаленный от нежностей, мгновенно вздрогнул, но сразу же почувствовал теплоту. Такое новое и интересное чувство.

Воспитательница поцеловала свой большой палец и нежно провела им по мокрой щеке Грима. Она стерла все следы соленых ручейков, подула в его серые глазки и ласково сказала:

– Грим, маленький, давай переоденем тебя.

Он – волчонок

Ирма жила в том доме, где и Филадельфия. Поэтому воспитательнице не составило никакого труда привести Грима мамочке. Сначала Ирма заглянула в магазинчик, но Филы не было, лишь висела надпись «Закрито». Воспитательница бросила взгляд через стекло и увидела «стульчик Грима». Он валялся на полу, как никому не нужная игрушка. Если бы Грим находился внутри, он позаботился бы о стульчике, с которого наблюдал за посетителями.

Не сказать, что Ирма и Филадельфия подруги. Да, какие, о чем речь? Вовсе нет. Ирма слишком стеснялась начать дружескую беседу, а Филадельфия всегда занята. Да и характеры разные. Они часто встречались во дворе и здоровались. Филадельфия спрашивала о делах Грима в садике, а Ирма покупала продукты в ее магазине. Взаимообмен.

Говоря о разных характерах, Ирма никогда не смогла бы съязвить своим клиентам. В однокомнатной квартире Ирмы все было скромно обустроено. Книжного шкафа не имелось, но любимые книги стопками располагались в уголке. В основном это произведения Джейн Остен, Теодора Драйзера... в общем атмосфера благородной любви. Ирма приобрела с AliExpress стойку для растений и бережно ухаживала за ними. Она любила спать на полу, так как обожала холод. Больше всего ее привлекала зима. Ей нравилось кутаться в теплые кофты и шарфы, гулять по заснеженным паркам, ловя светлыми ресницами снежинки.

В детстве ее называли альбиносом из-за светлых волос и ресниц. Но она никогда не обижалась, а гордилась внешностью. Она ощущала себя снежинкой.

Кровать использовалась в качестве спального места для гостей. Все ее знакомые знали: она никогда не откажет в ночлеге. Ей нравилось принимать гостей. Что еще интереснее, никто не пользовался ею в своих целях. Все любили добрую милую Ирму. Она могла успокоить и рассказать интересную историю.

Парней у девушки никогда не было, потому что она ждала прекрасного принца из книг. А слушая рассказы бедненьких подруг, которые плакали из-за ухажеров, она вовсе разочаровывалась в мужском поле. Ей не хотелось, как подругам, ждать своего любимого с шумных гулянок, ей не хотелось измен, ей не хотелось чувствовать себя ущербной. Почему-то кругом были плохие примеры отношений.

Подруги мечтали свести ее с парнем, они считали, что Ирма может навсегда остаться старой девой. Девочки удивлялись ее нежеланию к близости. Однако подруги ошибались на этот счет. Ирма не хотела тратить себя на «любого» парня, она бы отдавала себя всю, но реально единственному возлюбленному. Все подруги в отношениях выкладывали в социальные сети фотографии с отдыха. Анна целовала на камеру своего парня, но выглядела нелепо. Ведь радость на видео была только у девушки, возлюбленный, словно не знал, что делать дальше и лишь глупо улыбался. То же можно было сказать и о Катрине. Но у нее фотографии профессиональные: обязательные фотосессии на берегу моря, в осеннем красном лесу, среди пионов, везде, где красота вводила в безумство. Однажды Ирма фотографировала пару. Катрина позвала ее в сосновый бор. Солнце убежало, оставляя за собой огненные крылья заката, стволы деревьев могуче укрывали от назойливого шума. Сделав бесчисленное количество фотографий, и получив одобрение от Катрины, Ирма смахнула пот со лба и облегченно вздохнула. Жаль, что стояла знойная жара, даже вечер не спасал. Где любимый холод? Ирма делала снимки с помощью профессионального фотоаппарата, и кажется, у нее получилось обрадовать Катрину. Но эта пара не вдохновляла девушку. Она видела, что фотографий хочет только подруга, а парень старался угодить. Ирма хотела взаимопонимания. Возможно, она просто начиталась прелестных книжек, забыв на минуточку, что ей в спину дышит неутомимая реальность.

Тем более у нее новые обязанности. Дети из детского садика очень любили ее и не представляли дней без Ирмы. Она обожала их и старалась всегда развлечь разными способами. Воспитательница научила многих из них ухаживать за цветами, причем в игровой форме. Ирма показывала фокусы и всегда придумывала сказки. Вот так у нее и пропадало время для дел амурных. В конечном счете, у нее пропало время и для подруг. И сейчас ее квартира пустовала, ожидая вечерами только хозяйку и возможно новую книгу.

Сейчас Ирма заботилась о ком-то, а именно – привела домой Грима. Она тихонько постучала в дверь квартиры, но никто не открыл.

– Нужно сильнее, – пролепетал Грим и громко постучал маленькими кулачками.

– Какой ты сильный, – похвалила его Ирма. Все это время она держала Грима за руку, но чувствовала его робость. Она хотела подарить ему больше ласки, а Грим был слишком дик и высвободил ручку при первой же возможности.

Дверь открылась, и на пороге показалась растрепанная Филадельфия. От нее пахнет алкоголем, а в глазах бушевала ярость.

– Проходите, что же стоите, – выдавила из себя Филя.

– Вот, я принесла грязные вещи в пакете...

– Грязные вещи, да... спасибо. Сейчас еще стирать надо будет. А этот бессовестный что-нибудь скажет вообще? Молчит, как рыба.

– Мама, прости, я больше так не буду. – Грим смотрел в пол.

– Еще бы, – усмехнулась Филя. – Теперь будешь один ездить в автобусе в другой садик. Мне вообще без разницы, как ты это сделаешь, но с этого момента тебе придется взрослеть. Да, ты и так взрослее, то есть старше своих лет, но видимо, детства тебе не видать.

– Но Мира тоже хотела посмотреть на меня! На то, что у меня внизу! – Не выдержал Грим такой обиды и прокричал.

– А это уже не имеет никакого значения. Ее родители намного влиятельнее нас, не правда ли, Ирма?

– Я... я попробую что-нибудь придумать. Может, они меня послушают и оставят вас в покое. Я уверена, они не такие плохие, – несмело проговорила воспитательница.

– Да что ты сделаешь? Ты даже за себя не можешь постоять, о чем вообще речь? Нет, пусть это будет уроком для Грима. Пусть он будет осторожнее в следующий раз.

– Но как он будет сам ездить в садик? Ему только пять лет, – жалостливо посмотрела на мальчика Ирма.

– Ты просто не знаешь, на что он способен. Грим стирает, убирает, знает расположение всех вещей в квартире. А недавно он вообще вышел с битой защитить меня, правда, ничего не получилось, кто из детей на такое способен? Каких детей? Даже взрослые не смогут. Грим вырастит либо преступником, либо гением, либо никем. Среднего не дано. Он точно будет чувствовать превосходство в какой-то сфере. Пусть даже в сфере неудачников. – Филадельфия говорила с примесью гордости. Она сама делала его взрослым. Филя не собиралась прощать проступки. Женщина не давала шанса Гриму быть маленьким.

– Я живу в соседней квартире, если что, могу за ним присмотреть. – Как всегда хотела помочь Ирма.

– Ой, хорошо, но не думаю, что ему понадобится помощь, – небрежно бросила Филадельфия. Она относилась к Ирме, как к наивной девчонке.

– Я все же рядом. Водить его в другой сад я не смогу...

– Стоп, я уже сказала же, что он будет сам ездить в сад! – Не выдержала Филадельфия и повысила голос. Ее раздражала доброта Ирмы. Она не понимала, как можно быть такой дурочкой, которая всем подряд может помочь.

– Но ведь он совсем малыш, – испуганно пролепетала она.

– Грим не малыш. Он – волчонок!

После того, как Ирма ушла к себе домой, Филадельфия закрыла дверь на задвижку и достала из шкафа ремень. Грим увидел его и сразу убежал в другую комнату. Он спрятался за батарею, но мама знала о его секретном месте и небрежно выволокла оттуда. Грим невольно вскрикнул, потому что ударился локтем о батарею.

– Грим, это твое наказание!

Мальчика начало подташнивать от запаха алкоголя, как обычно, но он сдержал рвотный рефлекс. Филадельфия сбросила бутылки из-под водки с дивана и уселась на него, грубо схватив сына. Она резко стянула с него брюки с трусиками и положила его животом на свои колени, чтоб была видна попка. Она замахнулась ремнем и жестко ударила Грима. Предательские слезы сразу украсили щеки мальчика, но он молниеносно протер глазки кулачками, чтобы соленые сапфиры не показали его боль. С каждым ударом ремня Грим начал закрывать глаза, представляя что-то совершенно другое. Сначала он вспомнил, как расчесывал маме волосы, потом, как Ирма проводила большим пальцем по его щекам.

Увы, боль дала о себе знать, когда Филадельфия ударила в четвертый раз. Филадельфия решила, что на этом наказание окончено и отпустила на пол сына. Грим пополз за батарею, в свое укромное место и дождался, пока мама уйдет в спальню.

– Волчонок, прости, пожалуйста, но только так ты поймешь, что хорошо, а что плохо.

Она подошла к батарее и протянула руку. Грим сильно любил маму и поэтому взял в ответ ее. Филадельфия поцеловала ручонку и все-таки ушла из комнаты.

Мальчик свернулся клубочком и тихо заплакал. Ему было и больно, и обидно. Весь микс. Может, мама не любит его вовсе? Грим стиснул зубы, но слезы стиснуть не удалось. Они струились из его серых глаз, увлажняли нежные, как тесто, белые щеки. Через час мальчик пришел в чувство. Ему хотелось есть, желательно картофельное пюре или куриный суп. Казалось, сегодня Филадельфия возилась на кухне, но уловить носом запах ее приготовлений Грим не смог. Тихими маленькими шажками мальчик прокрался на кухню. Он вообразил себя супергероем, умеющим бесшумно двигаться, как тень. На середине стола что-то спрятано под белой тканью. Несмелой ручонкой Грим сдернул ее и обнаружил пирог. Он отломил кусочек, жадно проглотил его и ощутил, как голодный желудок приятно наполнился яблочным повидлом.

Обычно обиды забываются напрочь. Однако в этот раз Грим ходил понуро еще долго. Филадельфия спала под толстым одеялом, несмотря на приятную летнюю ночь, манящую с открытого окна. Он забрался к ней в кровать. Его так тянуло к ней. Ее объятия казались лучшим лекарством от болезней. Пушистым котенком Грим спрятался под рукой мамы, и обида уже испарилась безвозвратно.

211

Филадельфия сдержала слово и перевела Грима в новый садик. Она одела его в курточку и легкую шапку. Лето выдалось совсем непонятным. То жара, то неприятный холодок. Ближился июль. Говорили, что месяц подарит жаркие деньки. Пройдя несколько шагов, Грим уже вспотел. Филадельфия шла быстрыми шагами, а сын подскакивал, потому что идти просто не успевал. Как было уже известно, Филадельфия не брала его за руку, поэтому скорость значительно снижалась.

– Так, волчонок, я посажу тебя в 211 автобус и скажу, чтоб тебя предупредили об остановке. Запоминай дорогу, хорошо? Теперь ты будешь ездить один.

Филадельфия вела себя намного спокойнее, чем вчера. Она понимала: ее воспитательные меры превышают рамки дозволенного, но нужно сделать достаточно для его самостоятельности.

Она потрепала Грима по щеке и начала подходить к приближающемуся автобусу.

– Скажите ему, пожалуйста, когда будет «Горького!» – Громко произнесла Филадельфия. Водитель маршрутки пристально посмотрел на Грима и небрежно сказал: «Ладно», тронув козырек своей кепки в жирных пятнах.

Остановка практически была пришта к садику. Гриму потребовалось пройти шагов двести, чтобы позвонить в дверь нового места его пребывания. Мама сразу сказала ему идти прямо. Грим видел рядом родителей с детьми. Взрослые с недоумением смотрели на него, идущего в одиночку.

– Ой, это ты Грим? – спросила Розалина – новая воспитательница мальчика.

– Здравствуйте! – Ничуть не потерялся волчонок.

– Ну, идем, что стоишь в дверях. Твоя мама предупредила о тебе. Сам приехал на автобусе, какой большой мальчик! – Ее глаза горели озорным огоньком, но слишком озорным для искренности. Больше похоже на притворство. Самое то для малышей, ведь они верили в любые эмоции, даже приторные.

Грим промолчал на этот счет, он слишком часто слышал такие слова. Они уже звучали, как всем известный факт. Ему дали шкафчик с изображением божьей коровки. Грим сразу вспомнил Миру и ее ужасные веснушки. Сначала ему стало грустно, а потом он показал язык насекомому. Его бросила какая-то рыжая девчонка! «Она разбила мне сердце! Жена еще называется. Любит другого! Такая противная!» – Постоянно думал Грим. Но сейчас он еще раз посмотрел на божью коровку и залился горькими слезами. Задела, задела, задела.

Так он и жил. Каждый день утром мама отводила его на остановку и сажала на 211. Уже на второй день поездки мальчик запомнил дорогу, не требовалось даже предупреждать водителя.

После сада мальчик обычно возвращался тем же способом обратно домой. Автобус переполнялся и утром, и вечером, но всегда маленькому взрослому Гриму уступали место. Мальчик успел познакомиться с водителем. Ему было лет сорок восемь. Его глаза всегда отдавали усталостью и задумчивостью, как будто он на своих плечах таскал автобус. Кожа отливала желтоватым оттенком. Рядом с ним, с мелочью, всегда валялась пачка сигарет. Три морщины на лбу невозможно было разлучить, они появлялись вместе каждый раз, когда водитель хмурился или удивлялся. Больше всего, конечно, мужчина хмурился. Задумчивый взгляд не был способен излучать приятные эмоции, будто он думал о бренности жизни каждый день.

– Дядя Фрэд, пок...

Не успел Грим попрощаться с водителем, как автобус резко дернулся вперед, и стоящие пассажиры не смогли устоять на месте. Почти все оказались на коленях сидящих. Кроме Грима.

Его попросту задавили. Он упал, ударившись о поручень, как оторвавшаяся пуговица. Незаметно для всех отстегнувшаяся от пиджака, и пропавшая навеки.

– Вот зараза! – Крикнул Фрэд. – Нет, ну вы видели? Этот поганец чуть под колеса не попал! Светофора нет, перехода тоже!

– Осторожнее надо быть, ишак, – отреагировала толстая женщина с большими сумками и усами. Она как раз и задавила Грима тяжестью тела.

– Я что виноват? Охренела совсем? – Фрэд решил обойтись без мата, так как при Гриме ему хотелось выражаться более красиво. Он глянул в салон и к ужасу обнаружил, что Грим лежит без чувств. Фрэд рывком перепрыгнул со своего места на ближайшее сиденье, при этом уронив посуду с мелочью, и склонился над малышом. – Грим, мальчик? Ты что?

Фрэд не мог понять, что ему делать и внезапно услышал еле доносившийся голос из-за спин пассажиров:

– Извините, простите, – робко извинялась девушка.

– Да не толкайтесь! – Ныла та усатая толстушка, толкая девушку в ответ. – Может, вы нас выпустите из автобуса? У нас вообще-то дела.

– Не видишь, ребенку плохо? – Яростно бросил Фрэд. Секунду подумав, он продолжил: – А хотя лучше выметайтесь! Только мешаете. – Фрэд привстал и нажал на кнопку, чтобы двери открылись. Все пулей высыпали из транспорта. Толстушка самой первой протиснулась сквозь двери, одаривая остальных неприятным запахом пота. Некоторые останавливались рядом с Гримом и пытались помочь, но в итоге все равно в спешке уходили.

– Извините, дайте мне его, пожалуйста, – произнесла тихонько та робкая девушка.

– Ну, а что ты можешь сделать?

– Эй, малыш, – ласково начала. Она стала похлопывать Грима по щекам и тихонько трясти за плечи. Так продолжалось минуты две.

– Тетя Ирма? – Произнес Грим, открыв глаза.

– Так вы знакомы? – Облегченно спросил Фрэд.

– Я отнесу его к маме. – Ирма начала поднимать на руки пострадавшего.

– Да давайте я вам помогу хотя бы. Вы вон, какая худенькая. – Фрэд только сейчас посмотрел на Ирму. Ему было необычно видеть девушку с такой интересной внешностью. Как будто фея из сказки.

– Так он совсем маленький. – Улыбнулась Ирма. Фрэду сразу захотелось ответить такой же улыбкой, но Ирма отвернулась.

– Ну, хорошо, только дайте мне свой номер телефона, чтоб я потом убедился в благополучии Грима.

Ирма продиктовала номер и тихонько спустилась по ступенькам с мальчиком на руках.

Девушке очень жаль Грима, который то приходил в себя, то отключался. Она хотела его успокоить, укутать в своей заботе. Ирма не понимала, как можно пятилетнему мальчику быть таким взрослым. Она не верила, что малышу не нужна любовь, и он справится сам. Ведь Ирма своими глазами видела: он не камень. Грим умел плакать, бояться, обижаться, улыбаться... а вот улыбки в его жизни было маловато.

Грим приходил в себя и видел серо-голубые блестящие глаза, выглядывавшие из-под снежных ресниц. Ему было непривычно видеть ее без очков, которые она постоянно поправляла. Почему тетя Ирма снова его держала? Грима никто не носил на руках, а тут снова эта оказия. Мальчик начал рыпаться, как испуганный котенок.

Ирма устала нести Грима, но отпускать его не собиралась. Благо, уже скоро она откроет дверь квартиры.

Зайдя домой, девушка положила его на свою кровать и укрыла одеялом. У Грима раскалывалась голова, он хотел быстрее заснуть и проснуться уже совсем здоровым, но никак не получалось. Мальчик стал разглядывать квартиру. Столько много книг он в своей пятилетней

жизни еще не видел. Ему хотелось взять одну из них и начать читать, хотя он вовсе не умел. Ирма полила орхидеи из красивой серебряной лейки и направилась к пациенту.

Он почему-то не хотел, чтобы она садилась рядом. Почему девушка всегда его гладила, поднимала? Относилась к нему, как к маленькому. Гриму не нравилось. Ирма села на мягкую кровать, но мальчик немного отодвинулся. Девушка придвинулась еще ближе, Грим совсем отстранился, ближе к стене.

– Ты чего? Боишься? Я же тебя не съем. – Удивлялась Ирма. Никто из детишек так не вел себя с ней. Наоборот, все липли, как пчелы к цветку.

– Я не боюсь, ага, еще бы! – Осмелел Грим, но все равно отодвинулся на всякий случай.

– Ты скоро будешь около стенки такими темпами. – Ирма села на самый край кровати, чтоб не смущать Грима. – Так уж и быть, посижу здесь, маленький.

– Я не маленький!

– Ой, прости. Как же тебя называет твоя мама? Волчонок? Да? Хорошо, давай я расскажу тебе интересную историю. Для маленьких я рассказываю сказки, но ты же у нас совсем большой. Поэтому история...

Грим, который уже отвернулся к стенке, с любопытством посмотрел на Ирму.

– Однажды серому волчонку захотелось найти камень...

– Зачем камень?

– Да подожди ты! Все тебе нужно знать. Слушай дальше. Только терпение. Так вот... камень был не простой, а золотой. И мог он исполнить любое желание. Волчонок побрел в Темный лес. Никакое существо не могло видеть в нем, но все знали, что золотой камень ярко светится. Свет его был путеводной звездой для существ. В Темный лес входили только те, кто охотился за ним. Феи, лисы, великаны, гномы, змеи, ведьмы и другие ставили друг другу ловушки, чтобы получить желанное. Волчонок уже прошел несколько шагов, как его толкнула чья-то мокрая рука. Это оказалась русалка с острыми зубами. Еще одна особенность леса – это то, что существа начинали видеть друг друга, как только касались. Теперь волчонок видела русалка, а он ее. Он испугался ее страшного вида и убежал. По пути волчонок врезался в вампира, сосущего кровь феи. – Ирма исподтишка взглянула на Грима. Она боялась, что ему станет страшно от таких подробностей. Но Грим слушал ее с широко раскрытыми глазами. – Волчонок с каждым шагом становился ближе к золотому камню, и с каждым шагом его видело все больше существ. Волчонок пытался быть незаметным, но из-за волшебной темени ему ничего не удавалось. Он прятался в землянках, но случайно касался ядовитых змей. Ему нужно было всегда искать убежище.

Вдруг волчонок заметил, что его кто-то обнюхивает, и он сразу почувствовал, что его коснулись влажным носиком. Перед ним предстала сверкающая серебряная волчица с ярко-розовыми глазами. Серый волчонок влюбился с первого взгляда.

– Ты такая красивая, – только и вымолвил он.

– Спасибо. Меня зовут Лайма. И я призрачный волк. Могу становиться невидимой в любой момент. – Ее розовые глаза сверкнули алым огоньком.

– Так ты можешь легко заполучить золотой камень. Почему ты все еще здесь? – ошарашенно спросил волчонок. Он мечтал быть невидимкой в таком ужасном месте.

– Потому что золотой камень могут получить только чистые существа, которые не причинили вреда другим на пути к получению камня.

– Но неужели ты могла сделать что-то плохое? – Волчонок взглянул в розовые глаза и пытался найти страшную тайну.

– Да, увы. Я уже почти получила желаемое, но увидела, что его хочет взять гном. Он уже протягивал свою ручку. Камень начал сверкать еще больше, ведь рядом с ним было два чистых существа. И я не сдержалась и запрыгнула на гнома, расцарапав ему лицо. Камень погас. Ведь я запятнала свои когти кровью чистого существа, этим убив его. Меня отшвырнуло в глубину

леса, откуда начинался путь каждого. Теперь я блуждаю здесь в поисках чистого существа уже тринадцать лет. Время здесь останавливается. Темный лес – тюрьма. Те, кто только начал свой путь в лесу, не знают, что камень может получить только чистое существо, поэтому стараются устранить всех на своем пути, а когда они достигают конечной точки, их отшвыривает на старт.

– Но ведь камень один. Неужели вы все здесь навечно? – Волчонку становилось плохо от этой мысли.

– Мы так жаждали получить золотой камень, что потеряли чувства. В нас только жажда наживы. Мы голодны, понимаешь? Это страшно. Мы освободимся только тогда, когда чистое существо, вроде тебя, найдет камень. – Лайма выговаривала каждое слово продуманно, постоянно смотря на слушающего.

– Но почему тогда меня чуть не убили несколько раз? – Недоумевал волчонок. Он не понимал логику леса.

– Да потому что никто не верит в появление чистого существа. Все потеряли веру уже со своего первого преступления. Понимаешь, каждое следующее преступление насыщает их, делая сильнее. Они начинают привыкать к Темному лесу и становиться частью Тьмы. Они перестали отличать чистое от грязного. Никто не надеется на спасение.

– Но как ты справляешься с жаждой? И как ты поняла, что я чистое существо?

– Я расцарапала лицо тому гному случайно и потом сильно жалела об этом. Я хотела только толкнуть его, но не рассчитала силы. Во мне никогда не было темной жажды. Все это время я была невидимкой. Это моя особенность и мое спасение. У меня превосходная чуйка. Я почувствовала в тебе свет. Хочу помочь найти камень, защищая тебя от других. Ты освободишь всех от Тьмы...

Ирма увидела, как Грим уснул, свернувшись калачиком. Она потрепала его по щеке и подошла к стопке любимых книг. Ирма посмотрела в окно. Смеркалось. Клубничное небо пестрело золотыми брызгами уходящего солнца. Вечер был прекрасен. Как лучшее свидание, как финальный танец, как победа. Почему есть вечер? Для чего он? Почему жизнь сама не вечер? Ирма думала о таких вещах почти каждый день. Если бы она выбирала, чем ей быть, она стала бы вечером. Временем, когда страсть затихает и готовится к новому залпу – к зажигательной ночи. Ей также нравилось розовое яблочное утро, но оно словно просто готовило к тяжелому дню, а не являлось порталом конца и начала.

Через десять минут Ирме позвонил Фрэд и спросил про состояние Грима. Ирма поделилась всем и продолжила наблюдать за улицей. Начинало темнеть, девушка ждала, когда в дверь позвонит Филадельфия, которую девушка уже предупредила о случившемся.

Было одиннадцать часов вечера, когда Филя объявилась.

– Привет, – торопливо бросила Филя и сразу зашла в зал к сыну. – Боже, как же я волновалась, но не могла сразу прийти. Магазин некому было оставить.

– Да, ничего страшного, зато я рядом оказалась.

– Да уж.

– Его нужно сводить в больницу.

– Ты думаешь, я не в курсе? Слушай, давай ты сводишь его, просто мне некогда.

– Вам лучше больше времени проводить с Гримом, – несмело предложила Ирма. Она видела волнение Филадельфии, ее страх в глазах за судьбу сына, но даже при посторонних женщина не любила открывать чувства и даже скрывала их за ненужной резкостью, а порой грубостью. Словно ей все были должны.

– Слышь, ты кого учить вздумала? Не хочешь – так и скажи. Если думаешь подзаработать в качестве няньки, то не жди денег. Мы вовсе не богатые. – Грубость не отпускала Филадельфию и усугубляла ситуацию.

– Ничего такого я не думала... извините, но может, вы перестанете так пренебрежительно ко мне относиться? Я младше вас совсем на немного.

– Тебе двадцать, а я на семь лет старше. Думаю неплохая разница.

– Вам двадцать семь? Ого, Вы прекрасно выглядите! – Ирма не боялась показывать искреннего восхищения. Если видела красоту, открыто восторгалась. Без капли иронии или зависти.

– А ты похожа на Снежного человека.

Ирма слегка покраснела, но промолчала.

– Не обижайся только, ладно? У меня правда много дел, а Грим и сам справится. Я не думаю, что у него что-то серьезное. Просто я так устала. Жизнь пробивает меня насквозь. Я чувствую себя боксерской грушей.

– Эх, ладно. – Ирма склонила голову, и Филадельфия заметила, какие у нее длинные светлые ресницы. Прошлая воспитательница Грима всегда считала, что нет никаких оправданий для времяпровождения с ребенком.

– Сегодня мне звонила его новая воспиталка. Эта Розалина говорит, что нужно заниматься ребенком. Якобы все уже почти умеют читать и считать.

– Это да. Сейчас все стараются занять детей, – уже без энтузиазма продолжила Ирма.

– Зачем? Разве не школа этим должна заниматься? Я вот не понимаю этого. Все сами. Больше всего дети занимаются дома. Слишком много самостоятельного изучения.

– Хотите, я позанимаюсь с Гримом. Будет обидно, если такой взрослый мальчик пойдет в школу в восемь лет.

– Да ты прям ангел. Спасашь моего сына постоянно. Мне уже страшно представить, от чего ты спасашь его в следующий раз. – Голос Филадельфии уже смягчился. Она посмотрела на Ирму и сказала, – Выпить не хочешь? Я могу из дома принести.

– Спасибо, но я не пью. И вам не советую.

– Ой, снова учишь. Заладила ты. Стала моей совестью?

– Ну, нет.

Неожиданно повисло неловкое молчание. Нужно было разрядить обстановку. Ирма ждала продолжения диалога со стороны Филы, а та не могла подобрать слов. Но молчание даже не отягощало обстановку, а сглаживало. С некоторыми людьми приятно молчать.

– Не обращай внимания на мою грубость. Я так со многими. И не думай, что я часто пью и ищу постоянно повод для выпивки.

– Конечно, нет, – соврала Ирма. Ей нравились попытки Филадельфии оправдаться. Они выглядели мило.

– Не против, если мы останемся у тебя на ночь?

Филадельфия обычно не оставалась на ночь у других, но маленькая квартирка Ирмы показалась оазисом в грязной жизни. Женщина постоянно слышала, что она шлюха и родила от первого встречного. Почему люди так легко верили слухам? Филадельфия устала от скверностей, чувствовала, как сама превращалась в нечто отвратительное. Пустота настигала ее в самый неподходящий момент. Весь мир превратился в сплошную рутину. Увидев чистые побуждения Ирмы помочь, Филадельфия даже не могла красиво выразить благодарность. Неожиданное проявление доброты ввело в ступор, и ей не оставалось ничего иного, как превратить искреннее побуждение Ирмы в нечто само собой разумеющееся. Филе хотелось продлить хорошее ощущение, побыть в причудливой квартирке воспитательницы: здесь так чисто, аккуратно. Сама жизнь расставлена по полочкам. Филадельфия без ума от порядка, но у нее нет сил разбираться в собственной жизни.

Конечно, Ирма никогда не была против гостей. Никогда. Она дала Филе домашнюю одежду, напоила чаем с лимоном и уложила спать. Сама, как обычно, легла на полу. Холод ее лучший сосед. Особенно летом. Квартира нагревалась, духота сковывала пространство. Ирма находила спасение под подоконником рядом с любимыми книгами.

Ночь укрыла город темным бархатом. Шум автомобилей почти смолк, но не до конца. Девушка взглянула на свою кровать и увидела Грима, обнимающего маму маленькой ручкой. Блестящие волосы Филадельфии были беспорядочно разбросаны по кровати, одна непослушная прядь выбилась из массы и словно веселилась на щеке женщины. Как черная змейка, она спускалась к шее хозяйки и заканчивала сумасбродство на груди. Ирма наклонилась к Филе, подправила озорную прядку и смахнула ее к копне густых волос. Девушка погладила по голове Грима, а затем и его мать. На этом она все же ушла спать, постоянно представляя перед собой непослушную черную змейку.

16 июля

Розалина не отличалась оригинальностью. Если Ирма была послушной и покладистой, но с нововведениями и сюрпризами для детей, то Розалина не любила придумывать праздники, а пользовалась шаблонной программой.

Сегодня Гриму исполнялось шесть лет, и он чувствовал себя намного старше, чем вчера, когда мама подарила ему джинсовую рубашку и черные брюки. Мальчик был безмерно счастлив в свой день рождения. Филя поцеловала его перед сном и обещала, что устроит ему настоящую вечеринку, как у взрослых.

Но вернемся к вечеринке в детском саду. По традиции Грим встал в центр хоровода. Детишки пели имениннику, громко хохоча. Каждый старался перекричать друг друга. Когда они остановились на словах «Кого хочешь выбирай», Грим долго думал, кого же позвать в середину круга к себе. Он так и не нашел друзей за короткий период времени в новом садике. Ведь прошло меньше месяца. Он посмотрел на рыжего мальчика, стоявшего напротив, и сразу отбросил мысль позвать его. Рыжик был слишком похож на Миру. Грим взглянул на чихнувшего мальчика, держащего руку Розалины, и решил выбрать его. Именинник указал на него пальцем, но тот не решался сделать шаг. Ему стало смешно с этой ситуации, ведь сам он никогда особо не комплексовал. Грим хитро улыбнулся ему, сделал несколько шагов и взял за руку. Остальные дети начали визжать, показывая пальцами на «парочку».

Избранного звали Чарли. У него черные колючие волосы, как у ежика, а в карих глазах прятался карамельный проблеск. Гриму Чарли всегда напоминал кротенка с глазами-пуговками. Он часто носил колготки с шортами.

Когда Чарли оказался в центре хоровода, то начал тихонько плакать. Он закрыл лицо маленькими ладошками и сел на колени. Розалина сразу же подняла его на руки, поглаживая по спине.

На этом празднование закончилось, не учитывая традиционное поедание именинного торта. Грим долго думал, что же ему загадать до того, как он задует заветные шесть свечей.

«Я хочу стать совсем взрослым», – пронеслось у него в мыслях.

Он задул свечи с одного раза. Дети вокруг очень удивились такому «чуду». Ведь сами задували свечи со второй или третьей попытки. Гриму стало немного грустно, когда вместо ярких огоньков на свечке появились мимолетные дымные полосы. Мальчик испугался того, что момент действительно один, что раз он растет, то мама стареет, и в итоге когда-нибудь умрет. Грим вспомнил божью коровку Лолу. Она даже дня не прожила. А свечи и нескольких секунд.

После празднования все продолжили играть, но Чарли все еще сидел в уголке комнаты, обхватив колени. Он поглядывал пугливыми глазками из-под своего укрытия.

Грим подошел к нему и думал, что тот заметит его появление. Однако Чарли все сидел и сидел. Тогда Грим не придумал ничего лучше, чем дать ему подзатыльник. Просто так взбрело в голову. Его рука волшебным притяжением оказалась у своей цели.

– Эй, плакса!

Чарли резко поднял голову и часто заморгал.

– Ты че плачешь? – Не выдержал Грим. Его раздражало, что Чарли постоянно хныкал.

– Я хочу к маме, – провизжал малыш.

– Не реви, как девочка.

– Не обижай меня. Я маме все ласкажу.

– Ну ласкажи, девочка, девочка, девочка! – передразнил Грим. Чарли казался ему таким жалким, что его хотелось еще больше обижать. Грим подошел к нему и больно схватил за плечо.

– Ай! – Крикнул Чарли.

– Ты такой трусишка, я не могу. – Грим развлекался, издеваясь над малышом.

Он чувствовал свое превосходство, старшинство. Грим резко замахнулся на Чарли и увидел, что тот сразу закрыл лицо руками и снова начал всхлипывать. Грим схватил его руки и развел по сторонам. Из носа Чарли свисала зеленая сопля, а в глазах стоял дикий ужас. Непонятно почему, но Грим решил окончательно добить мальчика. Ему приносило удовольствие измываться над ним. Грим стал усиленно трясти плечи малыша, впиваясь сильными пальцами в нежную кожу.

Начали раздаваться громкие душераздирающие крики, Чарли вопил, как резаная свинья. Конечно, на визги собрался весь народ, даже другие группы и воспитатели. Розалина немедленно оттащила смеющегося Грима в сторону, поставив в угол. Чарли тихонько встал, и все взорвались хохотом. Оказалось, мальчик так испугался тряски, что описался. Он взглянул на свои колготки и еще сильнее заплакал. Грим заметил, как все дети завизжали. Он увидел в центре усмешек Чарли, который закрывал руками пятно от мочи. Внутри у Грима все перевернулось, как будто разбилась ваза с прекрасными цветами. Он был так впечатлен своей проделкой, что стоял ступором несколько мгновений. Грим метнулся из своего угла в сторону Чарли, опрокинув стол с соками. Розалина хотела поймать его, но хулиган ударил ее по рукам.

– Грим! Ты у меня получишь! – Кричала Розалина.

Он подошел к плачущему Чарли, к удивлению всех, снял с себя новую рубашку и обвязал ее вокруг пояса пострадавшего. Весь садик замолчал. На Грима оказалась белая майка.

– Грим, твоя рубашка провоняет мочой! – Крикнул, хохоча, рыжик. На момент рядом донесли другие смешки.

Внезапная злость прокралась в Грима и очернила все частицы души. Он рванул с места в сторону рыжика и с силой треснул его. Тот отлетел назад и сразу бросился на обидчика. Они начали лупить друг друга, одновременно кувыркаясь. Цеплялись за волосы и рвали одежду. Их еле разъединили воспитатели, получив маленькие царапинки от драчунов.

Обоих хулиганов поставили в разные углы для наказания. Они стояли и разъяренно смотрели друг на друга. Между ними образовалась стена зла. Грим сразу вспомнил сказку о Темном лесе. Мальчик вообразил, словно он и рыжик дерутся за золотой камень, причиняя вред друг другу. Тут Грим понял, что уже потерял статус чистого существа и даже расстроился. Тете Ирме это бы не понравилось. Ведь это значит, что золотой камень ему бы не достался.

Мальчики простояли на своих местах минут двадцать. Родители начали забирать детей. Грим решил остаться и посмотреть на родителей рыжика. Но его режим Хатико прервала женщина, которая громко начала:

– Ты, хулиган! Я все расскажу твоей маме! Преступник растет! Тебя сразу надо отдавать в места для психов! Где это видано, чтобы такие маленькие обижали других, избивали и издевались!

Женщина в шубе из непонятного желтого материала смотрела прямо на Грима. Яркая помада на губах отвлекала внимание мальчика, он представил, что губы живут собственной жизнью. Грим сделал вывод: ее пухлые губы, обмазанные некрасивой помадой, ей точно не подходят.

Мальчик не совсем понял: неужели тетя и губы говорят все это ему? Ведь он никого не избивал, кроме рыжика. Но издевался над Чарли, однако затем дал рубашку, чтобы тот прикрылся.

– Моего бедного мальчика так обижают здесь! Я же могу вышвырнуть тебя!

– Не надо, все обойдется, я поговорю с его мамой, – вмешалась Розалина. Ей нужно было больше детей в группе.

– Да знаю я ваши проблемы с отсутствием детей. Мне безразлично. Почему мой мальчик должен страдать?

– Я не бил Чарли, – вдруг проснулся Грим. Он в изумлении понял, что маме знать о его проказах незачем. Снова она расстроится, снова возьмется за ремень. Больше всего на свете Грим не хотел ссор с мамой.

– Тогда извиняйся!

Гриму еще не приходилось извиняться, он никогда не чувствовал вину. Что вообще нужно для этого делать? Мама ему не говорила о таких странных вещах.

– Да, Грим тебе нужно извиниться. Когда сожалеешь о чем-то нужно сказать «извини», – помогла Розалина.

Рыжик ехидно ухмыльнулся и скрестил руки на груди, все еще стоя в своем углу для наказания.

– Но я не жалею, – прямо сказал Грим.

– Не сожалеешь? – Взорвалась женщина с самостоятельно живущими губами. – Ах, вот оно как значит! Такой неприятный мальчик! Совсем уже... Кого твоя мама растит, непонятно...

– Извини, – неожиданно выпалил Грим, глядя на рядом стоящего Чарли. Он подумал: лучше сказать заветное слово. Ему скорее хотелось убежать домой. Ведь у него день рождения. Он услышал, как рыжик засмеялся в уголке. Грим ничего не понял. Женщина с пострадавшим сыночком еще немного постояла, но решила все же уйти. Она взяла на руки Чарли, поцеловала его примерно раз десять в щеки, оставив красные жирные следы от помады на бледной коже.

– Ну, ты и слабак, – высокомерно сказал рыжик. Зелень в его глазах блестела изумрудом.

– Не слабак, – заупрямился Грим.

– Я уж думал, ты не извинишься. Будешь стоять на своем.

– Я не знаю, что это такое.

– Ваа, неужели? Хоть тебе и шесть лет, но такое знать должен. Вот мне восемь, я пойду скоро в школу и буду знать много всего.

На момент Грим начал гордиться тем, что дрался с мальчиком старше него. Обычно он дразнил маленьких, а тут выпала такая возможность. Грим заметил, что у рыжика нет веснушек, и это его обрадовало.

– Я тоже потом пойду в школу...

– Ладно, пока, слабак, а мне еще на подготовку идти.

Грим ничего не ответил ему, а только пожал плечами. Ему неинтересно, куда направлялся рыжик и что будет делать. Его волновало только то, что происходило с ним. Именно с НИМ.

Грим не дождался родителей рыжика и быстро побежал к остановке. Он всегда внимательно рассматривал лица водителей, чтобы сесть именно к дяде Фрэду. Так получилось и сегодня, шестнадцатого июля.

– Грим! Ты сейчас еще взрослее! – Радовался Фрэд. – Ты уж подожди меня сегодня, я приду поздно-поздно. Ты не будешь спать, как малыш?

Мальчик серьезно помотал головой из стороны в сторону. Он все равно никогда рано не ложился, а тут еще и вечеринка намечалась в честь его «взросления».

– Вот и отлично! Жди меня, малыш! – Крикнул звонко Фрэд. Он давно перестал брать у Грима за проезд. Обычно Фрэд сажал его рядом с собой, на ближайшее сиденье к водителю. Дядя говорил много и интересно. Грим иногда кидал пару слов, в основном же, кивал или качал головой. Мальчик был не против, если Фрэд называл его малышом. Он чувствовал себя напарником водителя.

Грим смотрел в окно, наблюдая за ясным небом. Он снова вспомнил глаза Миры и с отвращением закрыл свои. Тогда Грим решил обратить внимание на людей, ждущих автобус. У большинства в ушах наушники, кто-то курил, вдыхая и выдыхая ядовитый дым. Гриму показалось красивым, как курил один парень. Слово вытворял фокусы. Дым развеивался по ветру, отравляя частички воздуха. Убийственная красота. Грим присмотрелся к двум мальчикам, сто-

явшим в кучке. Он увидел у них белую круглую коробочку. Интересно, что в ней находилось? Грим и понятия не имел, что в будущем эта шайба будет часто фигурировать в его жизни. Ему уже скорее хотелось попробовать все: и покурить, и выпить, хотя его тошнило от запаха алкоголя, повертеть в руках коробочку (если говорить прямо СНЮС).

Мальчик снова поймал себя на том, что время слишком медленно течет. Он хотел скорее стать взрослым. Ему скучно в детском садике, не учитывая сегодняшнего происхождения. Вот, что заставило его повеселиться. Грим жаждал поймать время за хвост и швырнуть этот хвост далеко в будущее. Ему не нравилось быть «малышом». Он хотел большего. Грим смотрел на взрослых парней и восхищался ими. Они высокие, модные, вкусно пахнущие. Абсолютно все такие. Абсолютно все взрослые парни казались ему идеальными.

Грим вышел из автобуса и направился с этими мыслями домой. Потерявшись в своих фантазиях, мальчик забыл, что выглядел растрепано и ужасно. Ведь даже под круткой на нем не было рубашки.

Филадельфия встретила его с распостертыми объятьями. Все по классике. Поздравления с днем рождения, обещанный торт, купленный в пекарне рядом с домом. На нем даже было написано имя именинника. Кругом сновали незнакомые люди. Оказалось, Филадельфия позвала своих друзей, чтобы создать «взрослую» вечеринку. Грим сразу обратил внимание на бутылки, красовавшиеся на праздничном столе. Он не очень понимал, что из них что. Грим только учился читать с помощью Ирмы, пока видел лишь знакомые буквы.

Главное: Филадельфия не заметила отсутствия рубашки у Грима. Она весела и дружелюбна со всеми. Прямо душа компании.

– Давайте все дружно потянем Грима за уши! – Радостно крикнула Филадельфия. – Ему сегодня шесть лет!

Все сделали вид, что им интересно. Подошли к Гриму и начали ждать, когда же мама потянет его.

– Раз! – Начала Филадельфия и больно дернула сына за уши. Грим привстал на носочки. Остальные пять раз он не переставал менять положения. Мальчик превратился в натянутую струну.

Гости сели за стол, налили алкоголь по стаканам и рюмкам. Грим слышал, что пьют за него. Желают здоровья, счастья. Причем никто не придумал чего-то оригинальнее. Каждый тост повторялся. Грим решил отойти к себе в комнату, чтобы поиграть с новыми игрушками. Все-таки есть плюсы от этой вечеринки.

Сначала ему приносило удовольствие возиться с конструктором, потом Грим переключился на резинового динозавра. Голова существа была такой большой, что мальчик начал сжимать ее, вертеть. Странно, но ему просто хотелось испортить игрушку. Она показалась ему противной, глупой и совершенно ненужной. Как будто дежавю. Перед глазами Грима снова пронеслось то, как он тряс за плечи Чарли. Ведь он чувствовал азарт, заставляя малыша страдать. Задумавшись об этом, Грим не заметил, как оторвал голову динозавру. Мальчик удивился, ведь в туловище динозаврика красовалась абсолютная пустота. Внезапно он представил себя на месте этой игрушки. Та же пустота. Он слышал, как за дверью веселились взрослые, не смолкала музыка. А он в свой день рождения сидел в темной комнатке с обезглавленным динозавром на руках.

Какое-то непонятное ощущение. Гриму хотелось проводить время с гостями. Он начал смотреть за полоской света от двери. Вдруг, она начала расширяться. К Гриму вошел запыхавшийся Фрэд. У него с собой большая коробочка, обернутая газетой.

– Я решил, что газета послужит отличной оберткой для твоего подарка!

– Ого! – Обрадовался Грим. Такой большой коробочки он еще не получал. Что же внутри? Его сердце начало стучать, отбивая чечетку.

– Ну, ты не жди там чего-то нереального, – скромно проговорил Фрэд.

Грим начал разрывать бумагу, кидая куски газеты на пол, хороня голову резинового динозавра. Он открыл крышку коробки и обнаружил, что внутри аккуратно разложены игрушечные пистолеты, автоматы, гранаты.

– Набор солдата, как грится!

– Спасибо, дядя Фрэд! Теперь я буду стрелять в бандитов! – Серые глаза Грима неожиданно сверкнули блестящим серебром.

– Только смотри, сам не стань им, малыш. – Фрэд погладил Грима по голове. – Ах, вот еще. Не называй меня дядей. Я просто Фрэд. Понятно? Тебе сегодня шесть лет. Уже взрослый.

– Хорошо, как скажешь, дя... ой то есть Фрэд.

– Так-то лучше. Что там? Мама твоя развлекается?

– Ну да, – легко произнес Грим. Легко поднять настроение нужной игрушкой. Он начал прицеливаться лазером пистолета в стену. Грим ощутил себя крутым взрослым парнем.

– А ты тут один, да уж, – разочарованно проговорил Фрэд. – Но ничего. Сегодня тебе шесть. Ты тоже попробуешь кое-что. – Лукаво произнес Фрэд.

Дядя достал из своего рюкзака бутылку водки. Открутил крышку, отпил и удовлетворенно покачал головой.

– Я сразу взял у твоей мамы пластиковый стаканчик, она даже не спросила, зачем мне. Увлечена гостями. В общем, Грим, за твое здоровье! – Фрэд налил водку на самое доньшко и протянул мальчику. Грим принялся и с отвращением отстранился. Он начал морщить нос. Грим думал, что его стошнит.

– Фу!

– Ничего-ничего. Привыкнешь. Тебе еще тяжело придется. – Фрэд бросил взгляд на дверь позади.

Грим колебался, думал: его уж точно стошнит от этой противной жидкости, но одновременно ощутил, что выпив напиток, станет намного старше своих лет.

– А как называется эта водичка? – Наивно спросил Грим. Он рассматривал содержимое стакана вдоль и поперек, видел только воду.

– Водка. Но смотри, не балуйся этим.

Грим не очень понимал, почему нельзя этим баловаться, ведь Фрэд сам предлагал ему. Все же, спустя несколько секунд, которые невероятно медленно проползли, словно червяки, Грим поднес к губкам стакан и выпил содержимое. Мальчик ощутил, как жидкость прожгла язык, затем горло, а далее и желудок. Горькая «водичка» на вкус намного противнее, чем он ожидал. Его стало мутить, но вроде он взял себя в руки и присел на кровать.

– Ну как? Противно? – Смеясь, спросил Фрэд. Он стукнул Грима по спине два раза. Имениннику стало сразу не по себе. Хоть и Фрэд не прикладывал никаких усилий, шлепки по спине показались Гриму ударами плетью. Он поймал себя на том, что все перед глазами поплыло. Грим встал, но это стало неудачным решением. Мальчик развел руками перед собой, но Фрэд надавил на его плечо и мгновенно усадил обратно.

– Мне что-то плохо, – еле выговорил Грим.

– Так давай-ка приляг. – Фрэд поднял его и собирался уложить, но Грим вскочил с неожиданной появившейся энергией. Он встал на четвереньки и вывалил на пол новое «угощение» от Фрэда. – Оооооу, малыш, я зря, наверное, дал тебе это попробовать.

Грима перестало выворачивать, он просто стоял на четвереньках, не в силах отодвинуться от своей рвоты. Мальчик почувствовал, как коснулся руками противной жижи, но ему все равно. Главное, чтоб перестало трясти. От этого стало жутко. Фрэд принес тазик и полотенце. Он без отвращения все убрал, помыл руки и вернулся, чтобы положить спать мальчика.

– Мне еще нужно к тете Ирме.

– Зачем? Может, завтра сходишь за подарком?

– Я хочу сейчас. Надо. – Он был настроен решительно.

– Ладно, пошли. Только умойся для начала.

Грим сходил в туалет, сделал все необходимые процедуры, чтобы от него не несло рвотой. Он все еще не мог забыть ту жижу на полу, которая совсем недавно находилась у него в животе. От этих мыслей мальчик поморщился, подумал, что нахлынет новый приступ рвоты, но ничего не произошло.

Не дожидаясь Фрэда, Грим проскользнул в зал, где Филадельфия налиwała подружкам алкоголь. Однако сама хозяйка в трезвом состоянии. Она смеялась с гостями, танцевала на ходу, приподнимая бокал шампанского. Сегодня на ней длинное синее платье, плотно обтягивавшее фигурку. На груди красовалась брошь в форме бабочки. Крылья блестели зелеными камешками, Гриму сразу захотелось поиграть с ней, почему-то сломать крылья.

Его мысли прервал Фрэд, который тоже на веселой ноте вышел из комнаты Грима. По пути схватил за талию одну гостью в милом розовом платье и покружил ее, при этом чмокнув в губы. Она оттолкнула его, совсем раскрасневшись. Но видимо ей понравилось внимание Фрэда, ведь дальше она провожала его жадным взглядом. Грим сразу вспомнил, как поцеловал Миру. Только у него все было совсем по-взрослому, а тут чушь какая-то. Он даже немного разочаровался во Фрэде.

– Грим! Волчонок! Ты куда уходишь? Айда к нам! – Старалась остановить Грима Филадельфия.

– Я к тете Ирме.

– Ты обиделся? – Одумалась Филадельфия. Ей захотелось крепко прижать Грима к груди и не отпускать.

– Нет, – соврал мальчик.

– Так, ты никуда не уходишь. Тетю Ирму мы сейчас позовем.

– Но тут чужие. – Грим оглядел гостей.

– Нет, они все уходят. – Филадельфия посмотрела на подруг. Они в ступоре смотрели на хозяйку, а потом, виновато улыбаясь, начали собирать вещи. Филадельфия слишком часто меняла настроение. Казалось, безумный вихрь накрывал ее с головы до пят, кружил состояние, превращал в другого человека, а потом свет выключался. Что-то подсказывало ей: ты неправильно поступаешь.

Она может резко бросить абсолютно все и перестроиться на новую волну. Ей несложно. Филадельфия привыкла перестраиваться под что-то неожиданное. Нравилось это необъяснимое движение. Если она чувствовала, что так будет лучше, то немедленно вырубивалась в совершенно другую степь.

Сейчас происходило то же самое. Увидев своего малыша, она поняла, что пора заканчивать с псевдо вечеринкой. В ней щелкнул выключатель взрослого алкогольного веселья. Праздник нужен сыну, а не чужим теткам с хмелем в голове и азартом в глазах. И почему до нее не дошло это раньше?

Гости очень быстро ушли, словно собравшаяся вода в раковине после того, как вынули помпу. Филадельфия быстро убрала грязную посуду, не выключая музыку. Казалось, играла песня «18 мне уже».

– Филадельфия, а что тут происходит? Я что-то не понял, – начал Фрэд, разводя руками.

– Я просто хочу побыть с сыном и его друзьями, – непринужденно ответила Филадельфия. Ей действительно казалось, что она упускает детство Грима. Почему-то до нее дошло это именно сейчас. Она резко остановилась и подбежала к сыну, подняла на руки и стала звонко целовать его в мягкие щечки. Грим начал смеяться, говорить маме, что сильно-сильно любит ее. Фрэд отошел на кухню, чтобы разрезать торт на кусочки.

– Маленький мой! Ты такой вкусный! – Не скупилась на милости Филадельфия. Грим был так счастлив, что готов всю жизнь провести вот так – на руках у мамы. Он даже забыл о мысли

скорее повзрослеть. – Прости меня, пожалуйста, я ведь тебя так часто ругала! Я поняла только сейчас. Я не могу объяснить, почему так произошло. Мне стало тебя так жаль, так жаль...

Филадельфия заплакала. Грим никак не ожидал увидеть соленые бисеринки на щеках мамы. Ее глаза превратились в блестящее черное небо перед грозой, но вместо ошеломляющей стихии в них теплилась абсолютная нежность. Гриму стало жаль мать, поэтому он тоже заплакал.

– Эй, с вами все хорошо? – Ирма очень неожиданно появилась в дверях.

– Да-да, – тихо выговорила Филадельфия и смахнула слезы.

– У них тут чувства заиграли. Мне даже не по себе, – смеялся Фрэд, входя с тортом в руках. – Ты так быстро пришла, я тебе минут пять назад только смс-ку кинул.

– Я хотела поздравить Грима с шестилетием.

Голос Ирмы как обычно действовал гипнотически на окружающих. Она мгновенно успокоила Филу, сказав, что она молодец. Что прогнала гостей, ведь это день рождения сына. Филадельфия наконец поняла, что хотя она и старше Ирмы на 7 семь лет, но ведет себя, как полнейший ребенок. Ирма столько раз давала наставления ей, каждый день почти писала, чтобы она больше внимания уделяла сыну.

– Да, Ирма, проходи. Грим рад тебя видеть, как и все мы, – просияла Филадельфия.

Ирма была одета в длинное белое платье с длинными рукавами. Лицо украшено блестками, а в руках она держала серебряную коробочку.

– Дарю тебе вкусные духи.

– Вау, духи! Как у взрослых парней!

– Да, Грим. Ты теперь будешь вкусно-вкусно пахнуть! – Восторженно проговорила Ирма. Девушка сама готова заплакать от увиденной трогательной сцены. Кажется, она впервые видела обнимавшихся Филу и Грима. Ирма крепко обняла мальчика и неожиданно учуяла запах спиртного. – Так! Что это такое? – Попыталась Ирма повысить голос, но получилось неубедительно. Она принюхалась еще сильнее.

– А что такого? – Понял все Фрэд. – Шесть лет все же шесть лет.

– Чтобы такого больше не повторялось! – Снова строгая попытка, но нежность выигрывала.

– Я обещаю, что так больше не буду делать. Мне не понравилось, это какая-то вещь плохая и противная! – Вставил свое Грим.

– Посмотрим, посмотрим, – весело среагировал Фрэд, подмигнув мальчику.

Заканчивался и этот день. От торта остались лишь крошки и липкие ложки. Ирма спокойно убрала со стола, поставив посуду в раковину. Довольный надухаренный Грим помогал ей, таская стаканы. Филадельфия занималась капитальной мойкой кухонной утвари. Ее руки были по локоть в пене для мытья посуды, густые волосы заплетены в тугую косичку. Выбившийся локон не мешал ей, закрывая лицо, а был аккуратно заправлен за ухо. Фрэд вытирал помытую посуду и отправлял в кухонный шкаф.

Тихо, уютно, чисто. Гриму нравилось. Он улегся на коленях Филадельфии и уснул. Ирма и Фрэд устроились на диване перед телевизором. Они грызли семечки и кидали кожурки в сооруженные стаканчики из газеты. Темно. Лишь свет телевизора освещал помещение. Кажется, боевик с Вин Дизелем. Филадельфия бережно гладила кудрявые волосы сына, постепенно направляясь в мир сновидений. Как только закрывала глаза, оказывалась в непонятном сне, но снова просыпалась, резко вздрагивая.

Такие вечера стали частыми. И такая семья устраивала всех. Разные возрасты, иные мысли, другой стиль одежды, но им нравилось находиться вместе. Они собирались вместе и наслаждались обществом друг друга. Как будто, так и должно было быть.

Новая жизнь

Грим стоял вместе с ребятами в шеренге и держал гладиолусы. Перед ним снова проходили взрослые парни, девушки, весело улыбаясь и шутя на ходу. Почему он не такой, как они? Его радовало одно: Грим оделся почти так же, как и старшекласники. Черно-белая форма. Хоть что-то приближало его ко взрослым.

Он ощущал на себе восторженные взгляды мамы, Ирмы и Фрэда. Они стояли напротив, махали ему. Ирма просила улыбнуться для фотографии, но Гриму не хотелось. Он нашел занятие интереснее. Рядом стояла совсем маленькая девочка, которой он закрывал глаза гладиолусами. Боковым зрением мальчик видел, как еще немного, и она заплачет. Это была Мира. Как иронично. Он успел вытянуться и обогнать ее в росте. Теперь они будут учиться в одном классе. Грим сможет раздражать ее, ведь от бывлой симпатии к ней не осталось совершенно ничего. Ему хотелось больно ущипнуть ее за веснушчатую щеку, отрезать ножницами огненно-рыжие волосы или испортить ее милую школьную форму.

Однако он решил остановиться на гладиолусах. Грим специально заслонял ей вид цветами, двигаясь одновременно с ней.

– Что ты делаешь? – Пискнула Мира.

– Не ной, – спокойно ответил Грим и улыбнулся дьявольской улыбкой. Серые глаза холодно сверкнули. Мира так испугалась его грубого голоса, что не удержала бойкую слезу и уронила ее на белые пышные розы.

– Пожалуйста, не обижай меня! – Взмолилась девочка. Увы, Грим промолчал и не изменил положения своих гладиолусов, мешая Мире.

Так продолжалось всю линейку. Выступали учителя и выпускники, пелись песни, читались стихи. Что еще добавить? Все по традиции. Конечно, для первоклассников это новшество, торжество великого масштаба, но Гриму было интересно только дразнить Миру. В нем все еще кипела обида за прошлое, то предательское отношение с ее стороны. Он еще никого так ненавидел, как он выражался. Знал ли он значение этого слова? Приблизительно, так что особой ошибки нет. Так вот, он ненавидел Миру все это время, а когда узнал, что она будет его одноклассницей, то сразу же начал придумывать пакости на ее счет. Грим восторгался ее испуганными глазами, сила бушевала в нем, выплескиваясь наружу недобрым огнем.

В нем играл азарт, огонь набирал обороты. Наконец все разошлись. Мира спешила уйти подальше от обидчика, но Грим проворнее. Он незаметно оказался рядом с ней и больно ущипнул за руку.

– Ай!

– Чтоб больше не жаловалась своим родителям. – Грим грубо взял ее за локоть, сильно сжал нежную светлую кожу, оставив алые следы.

– Не трогай меня! – Умоляла бедненькая девочка. В ее голубых глазах стояли слезы, готовые прыснуть. Ее сердечко невероятно быстро стучало, хотело выпрыгнуть из груди, но не могло.

Она вспомнила, как Грим был ее мужем. Надо было дружить с ним дальше, но мама не разрешала. Говорила, что он не пара. А сейчас Грим вселял в нее дикий ужас.

– Иди домой, обезьяна.

Мира в спешке хотела убежать, но Грим поставил ей подножку. Девочка вылетела вперед, упав лицом в букет роз. Ее белые колготки побагровели на коленях, а лицо покрылось маленькими порезами от шипов цветов.

К ней сразу подбежали родители, начали протирать лицо от слез, ведь она очень громко плакала. Мире стало обидно, что она не могла даже толком объяснить маме, что случилось.

Грим пожал плечами и улыбнулся очаровательнейшей улыбкой. Ему так понравилось, как она упала. Прямо плюхнулась перед всеми. Как будто он прилепнул муху тапком. Ему снова вспомнилось, как он оторвал голову игрушечному динозавру. Также просто, не жалея о последствиях.

– Грим! – Позвала его Ирма. Мальчик радостно побежал прямо в ее объятия. Раньше он не любил этого, но теперь просто не мог без ее ласковых рук.

– Я теперь школьник, – гордо произнес Грим.

– Да, у тебя новая жизнь, малыш. – Фрэд потрепал мальчика по голове.

Грим подошел к маме и получил новую порцию объятий.

– Ты же не подарил цветы своей учительнице!

– Мам, можно мне их тебе подарить?

– Грим, волчонок, послушай меня и иди уже дари, – с улыбкой произнесла Филадельфия.

– Ну ладно. – Нехотя поплелся он к своему первому классу. По пути мальчик увидел Миру на руках папочки. Она все еще плакала, и это приносило дикое удовольствие Гриму.

– Я – Сара. Теперь ваша учительница. Каждый день будем видеться. Научимся читать и писать. Надеюсь, вы все послушные и хорошие.

«Да, да, да, буду я тебя слушаться», – подумал Грим.

Он решил быстрее подарить цветы: не терпелось уйти домой. Подойдя к Саре, Грим почувствовал неприятный запах пота. Он вообще привередлив к запахам, сам все еще пользовался духами, подаренными Ирмой. Мальчик грозно посмотрел на классную руководительницу и заметил мокрые пятна у нее на подмышках. Сама женщина обладала полным телосложением, средних лет. Волосы убраны в слишком тугой пучок, от этого складывалось впечатление, что она лысая. Гриму интересно, где она находила одежду таких больших размеров. Учительница смуглая, с родимым пятном на щеке. А в глазах что-то непонятное, будто жалость ко всему.

Собрание первоклассников проводилось на улице, лето не хотело отдавать детей в холодные руки осени. Рядом с Сарой стояла парта, нагруженная букетами цветов. Грим поймал себя на мысли, что ему все еще не хотелось дарить гладиолусы.

– Здравствуйте, это вам, – нехотя начал Грим, протягивая цветы учительнице.

– Ого, какой взрослый мальчик! Сам подходит и дарит. А где твои родители? Как тебя зовут? Давай-ка познакомимся, – доброжелательно ответила Сара. Она обняла Грима, и мальчик отодвинулся в поисках спасения от запаха ее пота. К своему удивлению, он заметил над ее верхней губой тонкую полоску черных усов. Его чуть не стошнило, ведь его всегда окружали красивые женщины. Он сразу вспомнил об Ирме и маме. Да, что тут говорить. Даже у Фрэда все гладко.

– Меня. – Удалось ему отстраниться от Сары, а точнее вытолкнуть себя из ее объятий. – Грим зовут.

– Аааа, хорошо-хорошо. Завтра я жду тебя в 101 кабинете. Это будет наш класс. Первый этаж. Тебя встретят старшеклассники, хорошо? С собой возьми пять тетрадок, прописи и учебники. Я еще напишу твоей маме, хорошо? – Буквально щебетала Сара. Грима начинало раздражать ее обильное «хорошо». Она слишком быстро говорила, мальчик и не думал запоминать все сказанное ею.

– Извините, Сара, – перебила ее чья-то мама. Грим облегченно отдал злосчастный букет и собрался уходить к семье. – Моя Адель сегодня несла звонок на плече старшеклассника...

– Да-да!

– Так вот, а на последнем звонке может тоже она понесет?

– Нет, на последнем звонке должна быть уже не ваша девочка! – Вмешалась другая мама. Рядом стояла дочка с косичками до пояса.

– Но моя Адель лучше всех подходит для этого. Она танцует у меня, у нее прекрасная осанка. Я просто говорю, что так будет изящнее, красивее! – Она мельком взглянула на раненую Миру, намекая на то, что бывают и такие замарашки.

– Успокойтесь, мамочки. До последнего звонка еще уууйма времени! И на плече будет та девочка, которая будет хорошо себя вести и учиться. – Сара подправила гору своих букетов.

Грим наконец отошел на такое расстояние, чтоб не слышать споров. Он не понимал, зачем нужны мероприятия, суета, красивая и неудобная одежда, кучи цветов. Через несколько дней потухшие цветы украсят лишь мусорные баки. От праздничной ауры ничего не останется. Кто-то говорит, что главное – воспоминания, но Гриму не хотелось думать об этом.

– Сара, сказала, что тебе напишет.

– Ладно, напишет, так напишет. Сейчас мне пора на работу, снова допоздна. А ты иди, отмечай с Фрэдом и Ирмой. – Филадельфия чмокнула Грима в щеку и убежала, перекинув сумку через плечо. Мальчик только увидел ее сверкающие ножки в изящных туфлях на каблучке. Он редко ловил ее дома, но всегда старался расчесать ей волосы, укрыть одеялом, дать отдохнуть одним словом. Сейчас она уже не поднимала на него руку, Грим повзрослел. Хотя на данный момент чуть не всплакнул от того, что Филадельфия так быстро убежала. Ему не хватало ее внимания. Очень. Все свое время Грим был один, но Ирма и Фрэд старались выхватить его из замкнутого круга.

– Ну что? Сначала поработаем, а потом уже и развлечемся, да? – Перебил мысли Грима Фрэд.

– Да! Поработаем! – Обрадовался Грим. Совсем недавно он начал помогать собирать деньги с пассажиров автобуса. Своего рода кондуктор. Грим сразу вообразил себя взрослым, способным зарабатывать человеком. Оставляя себе пару десятков рублей, мальчик гордился возможностью получать кое-какие, но деньги.

– Я с вами поеду. Просижу весь ваш путь, а потом мы отметим.

– Да, Ирма, займи только нормальное место, чтоб не светило солнце, – предложил Фрэд. – А тебе скучно не будет? Мы же допоздна.

– У меня в сумочке книги, которые давно хотела прочитать, не волнуйтесь за меня.

Фрэд оставил автобус во дворах, рядом со школой. Грим быстро переоделся в трико и светло-розовую футболку, а Фрэд напялил джинсы и просторную рубашку.

Автобус начал свой путь. Ирма устроилась удобнее в самой тени автобуса, держа в руках толстую книжку. Грим знал, что она читает «Войну и мир», потому что постоянно говорила об этом чтиве. Мальчик смотрел, как светлый локон волос непослушно выбивался и начинал мешать чтению. Ирма сначала сдула помеху, а потом взяла прядку тонкими пальцами и убрала за ухо, оголив участок шеи. На ней светло-голубое платье, как обычно до самого пола и с длинными рукавами. Однако ее плечи были обнажены, кожа отливала легким серебром.

Грим уже довольно долго наблюдал за Ирмой, это стало неприлично. К выходу приблизилась женщина с ребенком и передала деньги юному кондуктору, но он и не думал отвлекаться от зрелища. Тогда пассажирка громко сказала:

– Возьмите, пожалуйста!

Это обращение буквально выбило из колеи Грима. Волшебный образ читающей Ирмы испарился, а перед ним появился уставший вид молодой мамочки с ребенком на руках.

– Ой, простите! Вы на следующей выходите? – Реабилитировался мальчик.

– Да нет же. Сейчас выхожу, – нервничала женщина.

– Фрэд! – Крикнул Грим, хотя водитель прекрасно услышал. – Здесь останови.

Автобус затормозил. Двери открылись. Мама тяжело спустилась по ступенькам, держа в охапке ребенка. Гриму показалось странным, что такая молодая девушка выглядела устало, и он бы даже сказал некрасиво. Джинсы спадали с бедер, виднелись трусы молочного цвета, кофта потрепанная и будто на размера три больше. При этом она в неудобных босоножках на

высокой горке и в ярко-розовых носках. Когда автобус поехал дальше, образ этой пассажирки мгновенно исчез из головы Грима.

Мальчик продолжил собирать деньги за проезд, почти всегда разглядывая пассажиров. Обычно некоторые хвалили Грима, что он в таком юном возрасте помогал своему дяде. Фрэд всегда расплывался в довольной улыбке, когда слышал эти слова. Будто хвалили сына. Через часа три Фрэд дал подзатыльник Гриму, чтоб тот обратил на него внимание.

– Малыш! Надо заморить червячка. – Он начал копать в бардачке и достал оттуда большой сверток. – На вот. Ирме тоже передай, а то зачиталась, небось. Твоя мама испекла пирожки с капустой. Пахнет очень вкусно. Только не споткнись, ладно?

Грим сразу же присел рядом с Ирмой и закрыл ее книгу. Девушка ласково улыбнулась, а потом взяла пирожок. В это время в автобусе почти никого не было, поэтому они могли спокойно есть, не переживая за пассажиров. Хотя, Гриму не особо-то подходило слово «переживать». Он почти никогда не думал о поступках или проступках.

– Ну, ты и замарашка.

– А че? – Спросил с набитым ртом Грим. Его губы покрылись блестящим жиром, блеск также коснулся и рук мальчика. Из уголка рта торчал кусочек капусты.

– Ни «че», а что. Это, во-первых, а во-вторых, надо пользоваться салфетками хоть иногда. – У Ирмы наготове уже лежали эти спасители гигиены. Она взяла салфетку и протерла рот Грима, потом и ручки. Затем нежно чмокнула в щеку и засунула салфетки в мешочек. Грим взял его и выбросил в открытое окно. Ирма сразу же начала ругать его. Ее бледные щеки покрылись румянцем, в глазах появилось подобие гнева, но уже все знали, что злиться она не умела. Поэтому Ирма лишь немного повысила голос, чтобы казаться строже.

Уже темнело. Грим видел, как постепенно зажигался свет в многоэтажках, пустели улицы. Он не понимал, почему люди уходят ночью домой? Ведь в это время так красиво. Все светится, хоть и темно. Ему нравилось наблюдать, как улица затухала, но это не повод затухать и людям.

– Почему никого нет на улице? – Спросил Грим.

– Потому что люди должны спать и набираться сил перед рабочим днем.

– Зачем?

– Как это зачем? – Недоумевала Ирма. – Затем, чтобы утром быть веселыми и энергичными. – Она все еще не могла забыть то, как Грим выбросил мусор в окно, поэтому разговаривала немного раздраженно.

Грим начал припоминать пассажиров. Они не казались ему энергичными, но он решил промолчать. Ирма итак какая-то другая, а тут он еще собрался спорить.

– Ты просто маленький. Не все понимаешь.

– Какой маленький? Он уже работает со мной, – вмешался Фрэд. Грим посмотрел на дядю с благодарностью и поскакал к нему. Он сел ему на колени, чтобы тоже «порулить».

– Эй, это ведь опасно! – Спихватилась Ирма. При крике ее голос становился писклявым, но все еще милым.

– Да все нормально. Уже никого нет. Все путем. Малыш только посидит у меня на коленях, ну, и руль подержит чуток.

Так всегда. В конце дня Фрэд усаживал Грима и вел автобус на базу. По пути он выкуривал сигарету в открытое окно. Мужчина держал руль одной рукой, а Грим двумя. Ирма впервые ехала с ними так поздно, куда же привезет их автобус. Уж точно не на базу.

Они подъехали к заброшенному дому на окраине города. Казалось, его уже пора снести, но какая-то жизнь теплилась в домишке.

– Так, тут, наверное, бомжи живут, – начала тревожно Ирма. Они стояли около двери дома. Точнее то, что было когда-то дверью.

– Ну и что?

– Познакомимся с ними. Ирма, не бойся. – Добавил Грим. На самом деле он сам боялся столкнуться с ними, но не покажет же он вида.

– Давайте быстрее! – Резко прервал их беседу Фрэд. Будто он чего-то остерегался. Он закинул Грима себе на спину, а Ирму взял за руку.

– Чего ты так торопишься? – Удивлялась Ирма.

– А чего тут мешкать?

Они прошли через коридор с оголенными стенами. Пахло сыростью и бедствием. Словно тонешь в тоннеле сыпучего песка безнадёги. Грим крепче прижался к Фрэду, его вьющиеся волосы упали на лоб, заслонив «живописные» виды. Однако кое-что он заметил. В углу, под газетами, лежало что-то большое, похожее на бегемота. Недавно они с Ирмой смотрели картинки животных в книге «Я познаю мир». Фрэд добавил скорости и крепче сжал руку девушки, Ирма даже пыталась высвободить ее, но мужчина не отпускал. Они прошли через коридоры, покрытые газетными листами, на несколько мгновений запахло мочой, затем снова тот запах безнадёги. Увы, чередование запахов продолжалось, а пейзажи дома никак не менялись. Все одинаково. Трещины таранили потолок черными грубыми полосами.

Ирма не могла понять, что происходит. Почему Фрэд так напряжен. И вообще вся ситуация выглядела подозрительно. Она вдруг поняла, что сейчас она блуждала по заброшенному дому с бомжами (с одним уж точно, похожим на «бегемота»), рядом водитель автобуса, которого она не очень-то хорошо и знала, да еще в придачу первоклассник, крепко прижавшийся к Фрэду. Ирма всегда смотрела фильмы ужасов с мыслью «почему главная героиня такая тупая, я бы на ее месте не открывала дверь!» Однако на деле она оказалась такой же. Ее тревожные мысли прервал Фрэд, который радостно произнес:

– Вот и все! Что? Испугались? Умею я придумать аттракцион, да?

– Не очень смешно! Зачем нужно было нагнетать обстановку?

– А что такое нагнетать?

– Грим, это значит, делать напряженнее, невыносимее. В общем, это плохое слово, – ласково ответила Ирма.

– Ладно уж. – Почесал затылок Фрэд. – Что-то не подумал. Зато сейчас вам все понравится. Я ведь реально думал, что оцените.

– Мне понравилось кататься на тебе! – Грим попытался успокоить Фрэда. Если так подумать, то ведь действительно получилось неплохо.

– Ну как всегда, Грим без ума от Фрэда.

– Да не дуйся ты!

– Я спокойна. Просто обычно не хожу по таким местам. – Ее светлый локон снова выбился из строя, бушевал вместе с хозяйкой. Ирма быстренько убрала за ухо его, будто заткнула голос бунтаря.

– Ты обычно дома сидишь и книжки читаешь. А жить-то надо сейчас! Молодая такая, эх, мне бы твои годы. Я вот взял бы себя, свои двадцать... сколько тебе?

– Один, – буркнула в помощь.

– Двадцать один! Боже, ты такая юная! Взят бы я себя и свои двадцать один год и наколол бы себя татуировками, позвал бы пацанов гонять на тачке по стране. А ты... Тьфу тебя! – Разочарованно проговорил Фрэд.

– А деньги откуда?

– Снова эти деньги. Снова проблемы. Молодость на то и дана, чтобы не думать о последствиях. Чтобы просыпаться утром, фиг знает где, и думать, что больше никогда в рот рюмки не возьмешь, а потом снова выпивать. Чтоб горело в тебе, понимаешь? Горело, чтоб все!

– Вот вам вроде пятьдесят с чем-то, а ведете себя, как ребенок. – Ирму начинало задевать поведение Фрэда. Он постоянно ее отчитывал за «пассивный» образ жизни. Да еще и Грима завлекал. Мальчик слушал дядю с полным восхищением, его серые, почти серебряные

глаза готовы были взорваться фейерверком. – Вы можете сейчас взять и уехать далеко. Что же мешает?

– Ты ведь многого не знаешь, девочка. А я учу тебя. Я свое отпрыгал уже, – грустно ответил Фрэд. Его огонь на момент погас, но взглянув на Грима, мужчина снова ободрился, как будто увидев в мальчишке свой собственный смысл жизни.

Повисло неловкое молчание. Повеяло теплым ветерком, словно лето выдохнуло последние жаркие деньки. Послышался шелест еще «одетых» деревьев. Листва шептала колыбельную вечернему городу за пыльными окнами.

Ирма сделала еще несколько шагов и поняла, что стоит перед красивейшим цветником. Кругом комнатные растения. Здесь запах совсем другой. Словно в середине затхлого дома цвела вечная жизнь. Оазис среди черного злого мира.

– Идемте сюда, – произнес довольный Фрэд. Он повел ребят к диванчику в середине цветника. – У меня еще есть свечи. Хотите романтики? – Он подмигнул.

– Фу! Что мы, как девочки?

– О! Я хочу романтики! – Защебетала Ирма. Она начала хлопать в ладоши, топая маленькими ножками. Совсем малышка.

– Слово девушки – закон. Запомни, Грим. – Фрэд подошел к шкафчику и вытащил коробку с обычными свечами. Их было штук десять. Он расставил их в форме сердца на полу. Точнее, ему помогла Ирма. Он не мог сделать ровную фигурку.

– Как красиво! – Радовалась Ирма. – Помнишь, Грим, я рассказывала тебе сказку про волчонка?

– Да. Про то, как все искали золотой камень и убивали друг друга.

– Так вот. Этот цветник красивый и есть золотой камень, а темный лес – это весь дом.

– Как?

– А так. Камень ведь признавал только хороших существ. А это место хорошее, я чувствую. Несколько минут назад, там, нам ведь было страшно? Признай. А ты у нас волчонок в любом случае, как и в сказке – чистое существо. Делаешь только добрые поступки. – Ирма ласково погладила его по кудрявым волосам и притянула к себе, чтобы прижать к груди.

Грим удивился сказанным словам, ведь он всегда считал себя антиподом волчонка из сказки. Он вспомнил случай с Чарли, как он грубо тряс его за плечи и довел до истерики, как часто отрывал головы игрушкам, в том числе и динозавру. Да даже сегодня он издевался над Мирой. А что самое интересное: он ни о чем не сожалел. И подумал, что волчонок из сказки из него никудышный.

– Фрэд, как ты нашел это место? – Поинтересовалась Ирма. Она зажгла свечи зажигалкой и принялась рассматривать фиалки. Сама была, как цветок, в красивом платьишке. Девушка нагнулась, чтобы вдохнуть аромат.

– Так, это у нас местная достопримечательность. Все в округе знают про цветник. Каждый раз здесь разные хозяева, так сказать, – промямлил Фрэд.

– А, даже так. – Отвлеклась от цветка Ирма и посмотрела на него. Ее сердце было готово кружиться от такого местечка. Она будто попала в книгу, в тайное место главных героев. – Давайте, это будет НАШЕ место?

– Это как? – Не понял Грим.

– Об этом месте будем знать только мы, ну и местные жители. Будем приходить сюда и устраивать празднички. Надо привести еще Филадельфию, – начала тараторить Ирма.

– Стоп-стоп. Ты куда разошлась? – Встрял в ее мечты Фрэд. – У меня нет времени вас сюда водить.

– Ну, пожаалуйста, – настаивала Ирма. Ее светло-голубые глаза умоляюще смотрели на Фрэда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.